

Министерство образования и науки Республики Казахстан

Инновационный Евразийский университет

Кафедра «Журналистика и филология»

«Допущена к защите»

_____
заведующий кафедрой _____ **А.Р. Бейсембаев**

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

**На тему: «Статусные обращения в казахской и русской лингвокультурах
(прагматический аспект)»**

специальность - 6М020500 «Филология»

**Выполнил магистрант
группы ФИЛк(М)-201**

А.С. Куатова

**Научный руководитель
д.филол.н., проф.**

А.Р. Бейсембаев

Павлодар 2015

Министерство образования и науки Республики Казахстан

Инновационный Евразийский университет

Куатова А.С.

**Статусные обращения в казахской и русской лингвокультурах
(прагматический аспект)**

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

специальность - 6М020500 «Филология»

Павлодар 2015

АҢДАТПА

Магистрлік диссертация тиісті халықтың спецификалық дүниетанымына тән ұлттық тілдің лингвистикалық ерекшеліктеріне, лингвомәдениеттануының зерттеу нысанына, мәдени қабылдауына арналған.

Қазақ және орыс лингвомәдениетіндегі статусты қаратпа сөздерінің тиісті тұлғаға бағытталып айтылуы, қоғамның әлеуметтік мәдениетінің көрінісі ретінде қаратпа сөздер қолданысының өзгеріп отыруы зерттеу жұмысының өзектілігі болып табылады.

Диссертациялық жұмыстың бірінші бөлімінде қарым-қатынас мәденттілігінің анықтамасы, түрлі халықтардың сөйлеу этикеті өзгешелігі мен әлемнің ұлттық тіл спецификасының картинасына ықпал ететін тіл сипаттамасының анализі тәріздес факторлар туралы ақпарат берілген.

Диссертациялық жұмыстың екінші бөлімінде әлеуметтік статустың анықтамасы, вокатиптердің түрлері, сөйлеушінің тілдік сипаттамасының анализі туралы баяндалған. Сонымен қатар, бейвербалды қарым-қатынасқа қатысты мәселелер көтерілген.

Зерттеудің теориялық маңыздылығы ретінде ұлттық менталитет тұрғысынан этикет лексиканы зерттеу болып анықталды.

Зерттеудің тәжірибелік маңыздылығына тоқталатын болсақ, зерттеу жұмыстың нәтижелері лингвомәдениеттанымдық зерттеулер, сондай-ақ мәдени лингвистикаға арналған электив курстарында пайдалануға болады. Шетелдіктерге арналған орыс және қазақ тілдерінде қол жетімді тілашар негіз бола алады.

АННОТАЦИЯ

Магистерская диссертация посвящена лингвистическим особенностям национального языка как отражению специфического для того или иного народа мировосприятия, его воззрений и представлений, то есть культурного фона, являющегося предметом исследования направления в языкознании – лингвокультурологии.

Актуальностью данного исследования является вопрос выражения обращениями социального статуса личности и шире – отражения социальной структуры общества на разных исторических этапах его развития. Изучение социального статуса человека также дает возможность раскрыть и существенные стороны языка как явления культуры, так как лингвистический анализ статусных отношений по природе своей не может отрываться от национально-культурных, психологических и других особенностей, отраженных в значении языковых единиц.

В первой главе дипломной работы описаны понятия культуры общения, речевого этикета разных народов, говорится об анализе речевых характеристик носителей языка влияющих на специфику национальной языковой картины мира.

Во второй главе дипломной работы описаны выражения социального статуса, разновидности вокативов, функционирование этикетных форм обращения в речи носителя, затрагиваются вопросы культуры невербальной коммуникации, признаки обращений.

Теоретическая значимость исследования определяется актуальностью изучения этикетной лексики в аспекте национального менталитета. В магистерской работе предпринята попытка всестороннего рассмотрения проблем превращения свободного языкового материала в стереотипические формулы, т.е. рассмотрения в единстве научных и практических сторон проблемы, хотя и разные, но тесно связанные между собой аспекты одного и того же явления языковой жизни под углом зрения практических задач обучения и функционирования. Изучение этикетных речевых стандартов в русском языке в сопоставлении с речевыми этикетными формулами казахского языка имеет практическое значение в плане изучения речевого этикета как факта объективизации национальной ментальности, как специфического языкового кода, отражающего специфику национального языкового самосознания.

Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты диссертации могут быть использованы при преподавании элективных курсов по лингвострановедению, лингвокультурологии, также могут лечь в основу разговорников по русскому и казахскому языкам для иностранцев для непринужденного общения на изучаемом языке.

ABSTRACT

Master's thesis is devoted to the linguistic peculiarities of the national language as a reflection of the specific for a particular worldview of people, their views and ideas, that is, cultural background, which is the subject of the research in the areas of linguistics - cultural linguistics.

The relevance of this study is the issue of expression of an individual's social status calls and as wider - the reflection of the social structure of society at different historical stages of its development. The study of social status also gives the opportunity to discover essential aspects of language as a cultural phenomenon, as a linguistic analysis of status relationships by nature cannot break away from the national-cultural, psychological and other characteristics, as reflected in the value of linguistic units.

In the first chapter of the thesis, the concept of the culture of communication, speech etiquette of different nations are described, an analysis of speech characteristics of speakers' influencing the specificity of the national language picture of the world are told about.

The second chapter of the thesis describes the expression of social status, variety of "vokatipy", operation etiquette forms of treatment in the speech media; the issues of non-verbal communication culture and signs of appeals are addressed.

The theoretical significance of the study is determined by the relevance of studying etiquette vocabulary in terms of the national mentality. In the master's work attempts to address the problems of the comprehensive transformation of the free language material in stereotyped formulas, that is consideration of the unity of scientific and practical aspects of the problem, although different, but closely related aspects of the same phenomenon of linguistic life from the perspective of the practical problems of teaching and functioning. The study of speech etiquette standards in Russian language in comparison with speech etiquette formulas in Kazakh language has practical implications in terms of studying speech etiquette as a fact of objectifying the national mentality, as a specific language code, reflecting the specificity of national linguistic identity.

The practical significance of the study is that the results of the thesis can be used in teaching elective courses on linguacultural studies, cultural linguistics, can also form the basis of the phrasebooks available in the Russian and Kazakh languages for foreigners for easy communication in the target language.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
	10
1 Национальные особенности речевого этикета в различных лингвокультурах.....	
1.1 Культура общения как составляющая национальной культуры.....	10
1.2 Национальная специфика речевого этикета.....	13
1.3 Отражение социального статуса языковой личности в контактоустанавливающих коммуникативных актах.....	17
	21
2 Статусные обращения как маркер социального контекста общества.....	
2.1 Социальный статус как социолингвистическая категория.....	21
2.2 Обращения как основной способ вербального выражения социального статуса личности.....	24
2.3 Обращение как способ социокультурной параметризации общества.....	27
2.4 Способы невербального речевого взаимодействия коммуникантов как маркер этнической принадлежности.....	30
2.5 Синтаксические модели этикетных формул обращений к собеседнику.....	39
2.6 Эволюция статусных обращений в русской лингвокультуре.....	45
	52
Заключение.....	
	56
Список использованных источников	

ВВЕДЕНИЕ

В развитии современного языкознания приобретает все большее значение исследование языка как вербального кода культуры. Э. Сепир отмечает, что «язык не существует вне культуры, то есть вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни» [1, с. 186]. Лингвистические особенности национального языка как отражение специфического для того или иного народа мировосприятия, его воззрений и представлений, то есть культурного фона, являются предметом исследования направления в языкознании – лингвокультурологии (Л. Вайсгербер, Р. Ладо, В.Н. Телия, В.В. Воробьев, З.К.Сабитова). Лингвокультурология синтезирует синхронию и диахронию, психолингвистические, этнолингвистические и социолингвистические исследования. Проблема отражения национально-культурной информации в системе языка и в речи успешно решается на уровне номинативных лексических и фразеологических единиц (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, В.Н. Телия, З.К. Сабитова и др.).

С другой стороны, в связи с тем, что только тщательно и детально анализируя социальный текст функционирования языка, можно получить существенные результаты в современных лингвистических исследованиях, возрастает интерес к изучению влияния внешних, экстралингвистических факторов на функционирование и развитие языка. Характер отражения в языке изменений в жизни общества, зависимость темпов развития языка от темпов социальных изменений, природа социального расслоения языка в соответствии с расслоением общества, социальная обусловленность функционального многообразия языка и т.д. – все эти вопросы неоднократно становились объектом лингвистического изучения. Показать, что различия речевых навыков в пределах одного языкового общества определённым образом соотносятся с системно упорядоченными социальными различиями, – одна из важнейших задач такого раздела языкознания, как социолингвистика. Языковые различия в этом – и даже в ещё более широком – плане являются основным объектом социолингвистики. Важнейшие линии исследования в данном случае связаны именно с «обусловленностью» языковых различий. Названное понятие означает «многообразные социально обусловленные факторы, с которыми соотносятся различия собственно языковые» [2, с. 108].

Вышесказанное определяет **актуальность** данного исследования, так как значимым в социолингвистике является вопрос выражения обращения социального статуса личности и шире – отражения социальной структуры общества на разных исторических этапах его развития. Изучение социального статуса человека также дает возможность раскрыть и существенные стороны языка как явления культуры, так как лингвистический

анализ статусных отношений по природе своей не может отрываться от национально-культурных, психологических и других особенностей, отраженных в значении языковых единиц.

Первичным по значимости противопоставлением в социолингвистике вслед за А.Д. Швейцером и В.И. Карасиком мы признаем противопоставление двух плоскостей социально обусловленной вариативности языка – стратификационной и ситуативной. Первая – отражает социально-классовую структуру общества, но это отражение носит не прямолинейный, а опосредованный культурой и языком характер. Единицей стратификационного измерения языка являются языковые коллективы с их социально-коммуникативными ресурсами.

Единицей ситуационного измерения – роли, в которых отражены социально обусловленные отношения между участниками коммуникативного акта. К понятийному ряду, связанному со стратификационной вариативностью языка относится социальный статус человека, и вместе с тем он определяет ситуативное измерение языка через ролевые отношения [3, с. 17]. Категория социального статуса человека является одной из центральных категорий социолингвистики. Она связана, по мнению В.И. Карасика, с другими понятиями (например, социальная роль) по трём осям:

- ось А – деятельность/поведение – речевое событие/речевой акт (предполагает рассмотрение статуса в аспекте поведения человека);
- ось Б – речевой коллектив – язык (предполагает освещение статуса в плане стратификационно-ситуативной вариативности);
- ось В – культура/комплекс ценностей – коммуникативная сеть (мыслится о как изучение статуса в аспекте стиля жизни) [3, с. 26].

В диссертационном исследовании мы будем рассматривать статусные обращения, выражающие социальный статус личности в аспекте стратификационной вариативности.

Отметим, что «в социальной дифференциации получает отражение не только и, может быть, даже не столько современное состояние общества, с различными его классами, слоями и группами, сколько предшествующие его состояния, характерные особенности структуры и изменений этой структуры в прошлом, на разных этапах» [4, с. 9]. В.И. Жирмунский отмечал, что «социальная дифференциация языка данного общественного коллектива не может рассматриваться статически, в плоскости синхронного среза, без учёта динамики социального развития языка», что «язык данной эпохи, рассматриваемый в его социальной дифференциации, всегда представляет систему в движении, разные элементы которой в разной мере продуктивны и движутся с разной скоростью». По его мнению, описывая структуру языка с точки зрения её социальной дифференциации, необходимо учитывать «её прошлое и будущее, то есть всю потенциальную перспективу её социального развития» [4, с. 9]. Ф. де Соссюр также писал об «историческом факте»: «вне категории времени языковая реальность неполна, и никакие заключения относительно нее невозможны». Он указывал: «Если бы мы взяли язык во

времени, но отвлеклись бы от говорящего коллектива, то мы не обнаружили бы в нём, возможно, никакого изменения. И наоборот, если мы будем рассматривать говорящий коллектив вне времени, то не увидим действия на язык социальных сил» [5, с. 37]. Со времен Ф. де Соссюра в лингвистике принято разграничивать синхронические и диахронические аспекты исследования языка.

Это разграничение условно, хотя Ф. де Соссюр настаивал на абсолютном противопоставлении, считал, что задачи синхронического изучения языка не имеют ничего общего с задачами исторического осмысления тенденций его развития. Мы согласимся с мнением Р.А. Будагова: «если «нечистое» противопоставление синхронии и диахронии способствует лучшему осмыслению конкретного материала, то подобное противопоставление предпочтительнее» [6, с. 18]. В данной работе мы рассмотрим систему и функционирование статусных обращений, учитывая синхронические и диахронические аспекты в нашем анализе. Диахронический анализ статусных отношений в том или ином обществе позволяет увидеть изменение общественных норм и правил поведения применительно к социальной иерархии. Ш. Балли в исследовании «Общая лингвистика и вопросы французского языка» пишет, что рассмотрение прошлого при изучении настоящего «может быть полезным, если оно даёт основания для сопоставлений, которые в силу контраста освещают подлинный – и отличный – характер современного языка» [7, с. 32].

К влиянию «социальных факторов» уровни структуры языка неодинаково восприимчивы. В наибольшей степени подвержена влиянию лексика (с фразеологией) – единственная область, где само содержание культуры отражается более или менее непосредственно. В связи с этим представляется перспективным исследование языковой картины мира на разных этапах развития языка на уровне лексики.

В работе в поле нашего внимания будут, прежде всего, лексические средства статусных обращений. В диссертации будут исследованы речевые этикетные формулы обращения к собеседнику в русском и казахском языках. Типичные обороты речевого этикета – это своеобразный языковой фонд, регулирующий общественные и личные взаимоотношения между носителями данного языка. Поэтому под речевым этикетом в широком значении мы понимаем форму нормативного речевого поведения в обществе между представителями одного и того же этноса. В широком же значении под речевым этикетом мы подразумеваем совокупность типовых высказываний, закрепленных языковыми и национально-культурными традициями в данном языковом коллективе для использования в конкретных социально-коммуникативных ситуациях.

Цель исследования – выявление особенностей речевого поведения носителей русского и казахского языков, сравнительная характеристика языковых и речевых средств выражения формул обращения в русском и казахском этикетах.

Поставленная цель в диссертационном исследовании предопределила решение следующих **задач**:

- выявить языковую природу предложений с обращениями, т.е. выявить внутренние и внешние отличительные признаки обращений в русском и казахском языках;
- выявить особенности казахского менталитета на фоне сопоставления с менталитетом носителей русского языка;
- сделать контрастивно-сопоставительный анализ употребления этикетных речевых стандартов в русском и казахском языках.

Объект исследования – статусные обращения в русском и казахском языке в аспекте национальной ментальности.

Предмет исследования – сопоставительный анализ употребления типичных формул обращения в русском и казахском речевых этикетах.

Степень изученности темы. Речевой этикет (находящий свое выражение в закрепленных правилах и нормах речевого поведения) является в последние годы объектом серьезных исследований в области лингвистики, в частности изучения национальной ментальности. Однако изучению речевого этикета уделяется еще очень мало внимания. Поэтому наше исследование продиктовано необходимостью подвергнуть научную систематизацию этикетных формул обращения в казахском и русском речевом этикете обстоятельному лингвистическому анализу.

Новизна исследования. Речевой этикет – важный элемент любой национальной культуры. В языке, речевом поведении, устойчивых формулах общения отложился богатый народный опыт, неповторимость обычаев, образа жизни, условий быта каждого народа. Так, В. Гумбольдт высказал мысль о том, что «в каждом языке оказывается заложенным свое мировоззрение» и что «...каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, из пределов которого можно выйти только в том случае, если вступаешь в другой круг» [8]. Являясь частью эволюционного пути человечества, язык развивается в зависимости от изменений в духовной и материальной жизни общества и, следовательно, отражает исторический, познавательный опыт народа, его нравственные идеалы и моральные нормы, восприятие и оценку окружающей действительности.

Каждый язык национально специфичен и отражает не только особенности природных условий или культуры, но и своеобразие национального характера его обладателя, поэтому национально-культурное своеобразие народа, его специфика рассматривается, как исторический базис его развития и наиболее полно и всесторонне может быть познано в сравнении с национально-культурными особенностями других народов.

При сопоставительном анализе употребления этикетных универсалий в русском и казахском языках, мы замечаем, что при тождественной ситуации общения речевое поведение разноязычных собеседников строится и оформляется различными языковыми средствами. В языковые средства при общении привносится некий национальный колорит, отражающий разное

языковое мышление и восприятие средствами внешне эквивалентных языковых реалий. Вопрос об эквивалентности в области этикетной лексики далеко не простой и относится к числу мало изученных, особенно по отношению к неродственным языкам. Приоритетным направлением в лингвистике конца XX века является изучение человеческого фактора в языке. Второе рождение испытывают идеи изучения языковой картины мира, взаимосвязи языка и культуры, отражения особенностей менталитета в языке, выявления национально-культурного компонента семантики и т.п. Сопоставительное изучение этикетной лексики неродственных языков в аспекте национального менталитета остается лакуной, ее контрастивное лингвострановедческое описание совершенно неполно, это и обуславливает необходимость и актуальность нашего исследования. Этикетная лексика неродственных языков наиболее показательна при исследовании вопросов, связанных с национально-культурной спецификой семантики, обусловленной особенностями менталитета, обычаев, уклада, образа жизни, национального характера. С этой точки зрения язык отражает субъективную картину мира, соответствующую сознанию и менталитету его носителя. В то же время, по мнению исследователей, язык воздействует на своего носителя, формирует его как личность, т.к. усваивая родной язык, он усваивает и культуру, в которой уже отражены черты национального характера и специфика видения мира.

Теоретическая значимость исследования определяется актуальностью изучения этикетной лексики в аспекте национального менталитета. В магистерской работе предпринята попытка всестороннего рассмотрения проблем превращения свободного языкового материала в стереотипические формулы, т.е. рассмотрения в единстве научных и практических сторон проблемы, хотя и разные, но тесно связанные между собой аспекты одного и того же явления языковой жизни под углом зрения практических задач обучения и функционирования. Изучение этикетных речевых стандартов в русском языке в сопоставлении с речевыми этикетными формулами казахского языка имеет практическое значение в плане изучения речевого этикета как факта объективизации национальной ментальности, как специфического языкового кода, отражающего специфику национального языкового самосознания.

Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты диссертации могут быть использованы при преподавании элективных курсов по лингвострановедению, лингвокультурологии, также могут лечь в основу разговорников по русскому и казахскому языкам для иностранцев для непринужденного общения на изучаемом языке.

Методы исследования определялись в соответствии с целью и задачами исследования. В процессе исследования языкового материала были использованы различные методы и приемы:

- описательный;
- исторический;

- сравнительно-сопоставительный;
- сопоставительно-типологический;
- контрастивно-сопоставительный.

Основным методом исследования в нашей магистерской работе является описательный. Описание с привлечением контрастивно-сопоставительных диахронических данных помогло обнаружить общие и отличительные черты речевых формул обращения собеседнику в русском и казахском лингвокультурах.

Материалы и источники исследования. В магистерской диссертации исследовании использованы различные материалы казахстанских, российских и зарубежных исследователей, касавшихся изучения лексики речевого этикета. Нами изучена специальная литература по этикету: Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения. – М: Высшая шк., 1989; Вы сказали «Здравствуйте». – М: Знание, 1989; Акишина А.А., Формановская Н.И. Русский речевой этикет. – М: Рус.яз., 1985; Гольдин В.Е. Обращение: теоретические проблемы. – Саратов, 1987; Гольдин В.Е. Речь и этикет. – М: Высшая шк. и др.

Фактическим материалом также послужили извлечения из художественных текстов русских и казахских поэтов и писателей: А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, М.Ф. Достоевского, А.П. Чехова, А. Толстого, В.Я. Шишкова, С.А. Есенина, Абая, М. Ауэзова и др., в которых запечатлены этикетные формулы обращений.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Лексические средства выражения формул обращения в русском и казахском языках образуют особую семантико-стилистическую систему, отражающую национально-культурную специфику общения.
2. Этикетные речевые стандарты в русском и казахском языках подтверждают их универсальность, национально-культурную специфику общения, позволяют выявить особенности национальных менталитетов.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, источников.

1 Национальные особенности речевого этикета в различных лингвокультурах

1.1 Культура общения как составляющая национальной культуры

Культура общения является неотъемлемым компонентом культуры, чтобы владеть ею, важно понимать сущность национального речевого этикета. В этой связи, следует помнить, что в процессе общения люди передают друг другу ту или иную информацию, что-то сообщают, к чему-то побуждают, о чем-то спрашивают. Прежде чем перейти к обмену логико-содержательной информацией, необходимо вступить в речевой контакт, который совершается по определенным правилам. Однако за привычностью совершаемых речевых действий мы порой их не замечаем, заметным становится лишь нарушение неписаных правил, например: *продавец обратился к покупателю на «ты»*; *знакомый не поздоровался при встрече*, *кого-то не поблагодарили за услугу*, *не извинились за проступок* и т.д. Как правило, такое неисполнение норм речевого поведения оборачивается обидой, ссорой, конфликтом в коллективе. Следовательно, важность соблюдения правил вступления в речевой контакт, поддержания такого контакта полезно всем, а особенно людям тех профессий, которые связаны с речью (педагоги, врачи, юристы, работники сферы обслуживания, бизнесмены).

Правила речевого поведения регулируются сложившейся в языке и речи системой устойчивых выражений, применяемых в ситуациях установления и поддержания контакта (приветствие, прощание, извинение, благодарность, поздравление, пожелание и т.д.). Коммуникантам следует помнить всегда, что речевой этикет охватывает собой все: выражает доброжелательное отношение к собеседнику, создает благоприятный климат общения, устанавливает дружескую, непринужденную или, напротив, официальную тональность разговора. В речевом этикете передается социальная информация о говорящем и его адресате, о том, знакомы они или нет, об отношениях равенства/неравенства по возрасту, служебному положению, об их личных отношениях (если они знакомы), о том, в какой обстановке (официальной или неофициальной) происходит общение и т.д. Так, приветствие *Доброго здоровья!* указывает, что это пожилой житель деревни или выходец из нее; приветствие *Здорово!* говорит о неофициальной обстановке, о том, что люди находятся в равных, непринужденных, дружеских отношениях.

Показателем искусного вступления коммуниканта в разговор является выбор наиболее уместного выражения речевого этикета. Так, герой повествования, интеллигент, должен установить деловой контакт (и прежде всего – речевой) с человеком иной социальной среды, да еще и замешанным в неблагоприятных делах:

Я подождал в стороне – пока он освободится, пока отъезжающие скроются в вагоне, а провожающие рассредоточатся вдоль состава по окнам купе. И тут он вышел из тамбура, запыхавшись, суя чаевые в карман. Этаким рыжеватым детина, этаким хитрый кот с бегающими глазами. Я чуть было не допустил оплошность – едва не обратился к нему на «вы» да еще чуть не извинился за беспокойство.

– Привет, Утюг, как дела? – сказал я ему насколько возможно бесцеремонней.

– Дела как в Польше: у кого телега, тот и пан – бойко ответил он, точно мы с ним сто лет были знакомы (Ч. Айтматов).

Речевое поведение героя повествования обусловлено с той ситуацией, в которой он оказался: перед ним человек из другой социальной среды, при обращении к которому на «вы» адресат сразу понял бы, что перед ним чужак.

Таким образом, социальная позиция – общее положение человека как элемента общества, через которую он как бы встроен в структурную сеть [9, с. 3]. Маркирование социальных сигналов *свой/чужой, знакомый/незнакомый, далекий/близкий, старший/младший* происходит через языковые знаки речевого этикета. История развития любого общества предопределяет определенный набор национально обусловленных этикетных средств, отражающих социально-культурный контекст.

Следует подчеркнуть, что любое общество накапливает множество способов выражения речевого этикета. Чем предусмотрено большое их количество? Так, в русской культуре существуют свыше сорока речевых формул, используемых при выражении просьбы (*Я прошу Вас сделать это; Просьба не шуметь; Сделайте это, пожалуйста; Если Вам не трудно, подвиньтесь, пожалуйста; Вы не могли бы подвинуться?; Вам не трудно подвинуться?; У Вас не найдется, чем записать?*), у японцев насчитывают более пятидесяти. Эти факты свидетельствуют о том, что говорящий выбирает выражение с учетом того, *кто – кому – о чем – где – когда – почему – зачем* говорит. Следовательно, сложная языковая социальная информация заложена в речевом этикете.

Признаками речевого этикета, объясняющими его социальную остроту, являются:

– соблюдение знаков этикета, принятых в данном обществе (хочешь быть «своим» в любой социальной группе – исполняй соответствующие ритуалы поведения и общения), например: *Издали слышен клаксон, среди гуляющих заметно волнение. Приближается большой лимузин. На одном из крыльев трепещет красный с фиолетовым оттенком флаг с красным же крестом на белом фоне. Все вокруг приседают, а затем садятся на обочине со скрещенными ногами. На заднем сиденье лимузина виднеется массивная фигура короля. Его положено приветствовать, усевшись со сложенными ладонями. Это не просто обычай, это закон, соблюдение которого строго проверяется местными полицейскими. И точно так же рядовые жители Тонга приветствуют аристократов. («Вокруг света»).*

Следует напомнить, что социальная заданность ритуальных знаков этикета воспитывается в людях с раннего детства.

– **исполнение знаков этикета воспринимается адресатом как социальное «поглаживание».** Так, примером, иллюстрирующим этот признак, являются результаты эксперимента. Ученые решили выяснить, являются ли в животном сообществе прикосновение, вылизывание, выискивание и т.п. лишь гигиенической необходимостью или это «социальная» потребность животных в контактах. Были взяты две группы крысят, одну из которых сотрудники лаборатории постоянно поглаживали. Эти крысята выросли более крупными, умными, устойчивыми к заболеваниям животными, чем те, которых не гладили, не ласкали. Исследователи сделали вывод, что потребность в прикосновении, в ласке у животных столь же значима, как и другие жизненно важные потребности.

Эта потребность развита и у человека, никто не спорит по поводу важности одобрения как для ребенка, так и для взрослого. Лингвисты доказали, что язык откликнулся на такую потребность и создал систему словесных «поглаживаний» – речевой этикет: *Здравствуйте – будьте здоровы; Благодарю – благо дарю. Спасибо – спаси вас Бог за доброе дело; Извините – признаю свою вину и прошу снять с меня грех* и т.д.

– **признание этикетного выражения представляет собой речевое действие, или речевой акт, т.е. выполнение конкретного дела с помощью речи.** Так, есть такие действия, которые могут совершаться только с помощью языка, речи, например, «совет», «обещание», «благодарность». Следовательно, чтобы осуществить перечисленные действия, необходимо сказать: *советую, обещаю, благодарю.*

– **структура высказываний, в которых открытыми оказываются «я» и «ты»:** *Я благодарю Вас; Извините меня.* В данных предложениях речевой этикет выражен эксплицитно, следовательно, сила его проявляется ярко.

– **речевой этикет связан с категорией вежливости.** С одной стороны вежливость – это моральное качество, характеризующее человека, для которого проявление уважения к людям стало привычным способом общения с окружающими, повседневной нормой поведения. С другой стороны – это абстрагированная от конкретных людей этическая категория, получившая отражение и в языке. Вежливость нужно именно выражать, демонстрировать при общении (как и любовь), потому что если я в душе кого-то уважаю, но никак этого не проявляю, уважительность к человеку окажется нереализованной явно. Особенно важно это в официальной речевой ситуации или при общении с незнакомыми людьми. Вступая в контакт с родными, друзьями, знакомыми, мы, заранее зная «меру» любви и уважения друг к другу, имеем множество способов это подчеркнуть, с незнакомыми же людьми мера хорошего отношения – это вежливость, и здесь речевой этикет незаменим.

Таким образом, каждый язык национально специфичен и отражает не только особенности природных условий или культуры, но и своеобразие национального характера его обладателя. Каждый народ формирует систему правил поведения, касающихся внешнего проявления отношения к людям (обхождение с окружающими, формы обращения и приветствий, поведение в общественных местах, манеры, одежда). Культура общения является неотъемлемым компонентом культуры в широком смысле этого слова. Чтобы владеть ею, важно понимать сущность национального речевого этикета. Речевой этикет характеризуется набором признаков, выполнение которых приведет к успешной коммуникации. В коммуникативном общении люди передают друг другу ту или иную информацию, что-то сообщают, к чему-то побуждают, о чем-то спрашивают, совершают определенные речевые действия. Однако прежде чем перейти к обмену логико-содержательной информацией, необходимо вступить в речевой контакт, а это совершается по определенным правилам.

1.2 Национальная специфика речевого этикета

Самобытность мышления и психики, национальной культуры, вне всяких сомнений проявляется в структуре национального языка и в речевом поведении его носителей.

Речевой этикет – важный элемент культуры народа, продукт культурной деятельности человека и инструмент такой деятельности. Речевой этикет является составной частью культуры поведения и общения человека. В выражениях речевого этикета зафиксированы социальные отношения той или иной эпохи. Формулы речевого этикета закрепились в пословицах, поговорках, фразеологических выражениях: *Добро пожаловать; Милости прошу к нашему шалашу; С легким паром; Сколько лет, сколько зим!* и т.д. Являясь элементом национальной культуры, речевой этикет отличается яркой национальной спецификой.

Специфика приветствий и всякого рода осведомлений при встрече у разных народов различна, например, у осетин, абхазов и других народов Кавказа русскому «здравствуйте» соответствует, примерно, три десятка специализированных приветствий:

- специализация по типу ситуации (приветствие гостя, путника, пахаря, охотника и т.д.),
- по признаку возраста (приветствие младшего, старшего и равного),
- специализация по признаку пола.

У монголов приветствия разнятся в зависимости от сезона. Так,

- осенью спрашивают: *Жирный ли скот? Хорошо ли проводите осень?*;
- весной: *Благополучно ли встречаете весну?*;
- зимой: *Как зимуете?*

А самым общим приветствием – осведомлением о делах является стереотип, отразивший кочевой образ жизни скотоводов: *Как кочуете? Как ваш скот?* И неважно, что беседуют люди, которые давно уже не кочуют и не держат скота. Устойчивые выражения хранят далекую старину, говорящие обычно не ощущают старого значения этикетной фразы, употребляя ее сегодня.

Следует помнить, что образ жизни формирует устойчивые выражения. В китайском приветствии заложен вопрос: *Вы сыты? Вы уже обедали (ужинали)?*

Таким образом, целая история народа встает за такими стереотипами. Следовательно, речевой этикет, являясь явлением универсальным, сохраняет национально специфическую систему правил речевого поведения. Так, И. Эренбург замечает: *«Европейцы, здороваясь, протягивают руку, а китаец, японец или индеец вынужден пожать конечность чуждого человека. Если бы приезжий совал парижанам или москвичам босую ногу, вряд ли это вызвало бы восторг.*

Житель Вены говорит «целую руку», не задумываясь над смыслом своих слов, а житель Варшавы, когда его знакомят с дамой, машинально целует ей руку. Англичанин, возмущенный проделками конкурента, пишет ему: «Дорогой сэра, вы мошенник», без «дорогосэра» он не может начать письмо. Христиане, входя в церковь, костел или кирху, снимают головные уборы, а еврей, входя в синагогу, покрывает голову. В католических странах женщины не должны входить в храм с непокрытой головой. В Европе цвет траура черный, в Китае – белый. В Японии нельзя войти в дом, не сняв обуви; в ресторанах на полу сидят мужчины в европейских костюмах и в носках. В пекинской гостинице мебель была европейской, но вход в комнату традиционно китайским – ширма не позволяла войти прямо, это связано с представлением, что черт идет напрямик, а по нашим представлениям черт хитер, и ему ничего не стоит обойти любую перегородку. Когда китаец видит впервые, как европеец или американец идет под руку с женщиной, порой даже ее целует, это кажется им чрезвычайно бесстыдным. Если к европейцу приходит гость и восхищается картиной на стене, вазой или другой безделушкой, хозяин доволен.

Если европеец начинает восторгаться вещицей в доме китайца, хозяин дарит ему этот предмет – того требует вежливость. У нас принято ничего не оставлять на тарелке, в Китае к чашке сухого риса, которую подают в конце обеда, никто не притрагивается - нужно показать, что ты сыт. Мир многообразен, и не стоит ломать голову над тем или иным обычаем: если есть чужие монастыри, то, следовательно, есть и чужие уставы» (И.Г. Эренбург. Люди, годы, жизнь).

Следует признать, что что-то из описанных обычаев устарело, что-то пропущено через субъективное восприятие, однако все сказанное не отменяет специфику национальной картины мира. Следовательно, звучит, как аксиома мысль о своеобразном русском и казахском обиходе, о речевом этикете

названных лингвокультур, имеющих свою национальную специфику, с которой сталкиваются иностранцы, изучающие казахский и русский языки.

Самым ярким и самым употребительным этикетным знаком является обращение к собеседнику, которое может быть общим, неличностным – *гражданин*, а может быть и индивидуально-личностным в неформальном интимном общении. Особенно интересной, национально-специфичной формой наименования знакомого человека и обращения к нему является имя и отчество. Так, у русских обычай называние имени отца собеседника – свидетельство определенной степени уважения к взрослому человеку в связи с достижением им социальной зрелости, так называемой, узнаваемости в общественной среде.

Имя-отчество – это уважительная официальная форма обращения. В русской устной речи обращение по имени-отчеству подвергается стяжению: *Наталь Иванна, Пал Палыч*, это является общепотребительной нормой произношения.

Встречается у русских обращение только по отчеству. Отчество, как самостоятельная форма, обладает сложной двойной (и как бы противоречивой) характеристикой: есть оттенок одновременно и уважительности, и фамильярности, например, *Петрович, Иваныч*. В многонациональном Казахстане давно уже сформировалось двуязычие, поэтому национально-специфичная для русских форма имени-отчества стала привычной, следовательно, никто этому не удивляется, она принята в официальной среде, например, *Ермек Куанышевич, Азат Булатович*.

Самым массовым и ярким этикетным признаком является обращение. В русском языке наличествуют формы обращения на «ты» и на «вы», их умелое использование свидетельствуют об этичности собеседника. Например, когда человек поправляет собеседника: *«Говорите мне «вы», «Не тычьте, пожалуйста»*, он выражает недовольство по поводу направленного к нему «неуважительного» местоимения. Эти реплики свидетельствуют о значимости форм обращения для человека. Обычно «ты» применяется при обращении к близкому человеку, в неофициальной обстановке и когда обращение грубовато-фамильярное; «вы» – в вежливом обращении, в официальной обстановке, в обращении к незнакомому, малознакомому. Хотя здесь существует множество нюансов.

У русских не принято называть присутствующее при разговоре третье лицо местоимением он (она). Русский речевой этикет предусматривает называние третьего лица, присутствующего при разговоре, по имени (и отчеству), если уж приходится при нем и за него говорить. Видимо, русские явно ощущают, что Я и Ты, Мы и Вы – это как бы включающие местоимения, то есть такие, которые выделяют собеседников из всех остальных, а Он, Она, Они – местоимения исключаящие, указывающие не на того, с кем в данное время общаются, а на нечто третье. Между тем этикет многих стран не запрещает такого речевого действия – «исключения» присутствующего.

Неодинаковы правила речевого этикета и в отношении специальных обозначений адресата – мужчины и женщины. В русском языке применяются обращения: *гражданин – гражданка, молодой человек – девушка*, иногда *сударь – сударыня* и другие. Но русский язык все же не богат этикетными формами, отражающими различия людей по полу.

Формулы речевого этикета очень древни, они связаны с народными обычаями, отражают ритуалы и сложившиеся привычки, выражающие особенности быта. Так, в России благодарность за еду: *Спасибо за хлеб-соль!* И приветствие пришедшего в гости *«Хлеб-соль!»*. Именитого гостя и встречают хлебом-солью. Люди слышат в этих фразах лишь устойчивую формулу речевого этикета, означающую приветствие, приглашение к столу, выражающую благодарность. В подобных выражениях есть неповторимый национальный колорит.

Русские спрашивают: *Как здоровье?* ... (Н.А. Агаджанян, А.Ю. Катков. Резервы нашего организма).

Таким образом, в речевом этикете разных народов много совсем непохожих, своеобразных выражений, но даже похожие не полностью тождественны. В сущности, каждый язык – неповторимая национальная система знаков. В речевом этикете на национальную специфику языка накладывается специфика привычек и обычаев народа, поэтому в формах речевого этикета складывается своеобразная фразеология, связанная с обычаями, привычками, верованиями народа. *Ни пуха, ни пера!* – желают удачи идущему на трудное дело. А возникло выражение в речи охотников, чтобы обмануть злые силы, чтобы охота была удачной.

Так как мы живем среди людей, то самым образом жизни, привычками, обычаями, ритуалами постоянно «говорим» с другими. Речевой этикет (в узком смысле) – это формулы, которые обеспечивают принятые в данной среде, среди данных людей и в данном случае включение в речевой контакт, поддержание общения в избранной тональности. А в широком смысле – это все правила речевого поведения, все речевые разрешения и запреты, связанные с социальными признаками говорящих и обстановки, с одной стороны, и стилистическими ресурсами языка – с другой. Речевой этикет задает те рамки речевых правил, в пределах которых должно проходить содержательное общение.

Однако даже употребление общепринятых формул требует искреннего, доброжелательного внимания к собеседнику. Речевой этикет – важный элемент всякой национальной культуры. В языке, речевом поведении, устойчивых формулах общения сложился богатый народный опыт, неповторимость обычаев, образа жизни, условий быта каждого народа. Речевой этикет представляет собой совокупность словесных форм учтивости, без которых просто нельзя обойтись.

Национальная специфика речевого этикета в каждой стране чрезвычайно ярка, потому что на неповторимые особенности языка здесь накладываются особенности обрядов, привычек, всего принятого и непринятого в поведении,

разрешенного и запрещенного в социальном этикете. Постулат Э.Сепира: «общество изъясняется не иначе как через индивида» [1, с. 296] столь же правомерно, сколь правомерна другая зависимость: индивид говорит и воспринимает речь по правилам, выработанным обществом. Поэтому анализ речевых характеристик носителей языка выводит на специфику национальной языковой картины мира.

1.3 Отражение социального статуса языковой личности в контактоустанавливающих коммуникативных актах

Языкознание на современном этапе характеризуется сосредоточением значительной доли внимания лингвистов на человеке и роли человеческого фактора в языке. Язык понимается как один из способов жизнедеятельности человека, способ вербализации человеческого опыта, способ выражения личности и организации межличностного общения в совместной деятельности [10, с. 27]. В лингвистике последних десятилетий наметился антропоцентрический подход к изучению языка, с позиций которого он рассматривается не как общий для всех инструмент общения, но как одна из личностных характеристик субъекта общения, говорящего или пишущего.

Языковая личность понимается как совокупность способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся степенью структурно-языковой сложности, точностью и глубиной отражения действительности, определенной целенаправленностью [11, с. 245]. Из этого определения следует, что высказывание любого индивида несет отпечаток его личностных характеристик и свойств. С.А. Сухих дополняет определение Ю.Н. Караулова, отмечая, что языковая личность формируется и проявляется как в тексте, создаваемом в ходе коммуникации, так и в самом процессе общения [12, с. 82].

Любое изучение речевой коммуникации будет неполным без осмысления и описания ее личностного аспекта, проявляющегося в организации процесса коммуникации и в организации продукта коммуникации – текста. Однако, несмотря на осознание значимости проблемы отражения личности в коммуникации, во многих работах, посвященных этому вопросу, основное внимание уделяется описанию психологических характеристик личности, устанавливаемых посредством анализа дискурса. Так, Т. Херрман, обращая внимание на тот факт, что дискурс не может не отражать диспозиционные свойства, психические состояния личности, ограничивается простой констатацией наличия связи между психологическими характеристиками и дискурсом личности [13, с. 178].

Дж. Серль отмечает, что речевой акт может использоваться для выражения соответствующего интенционального состояния субъекта общения через репрезентативное содержание и определенный психологический модус речевого действия [14, с. 96].

Рассматривая данный вопрос, А.А. Пушкин приходит к выводу, что дискурс – «материал для речевого портрета личности в метаязыковом исполнении» [15, с. 48].

Такой «психологизированный» подход к рассмотрению личности в структуре общения представляется несколько односторонним, более перспективным учет следующих компонентов: когнитивного, акционального, соматического, позиционного.

Когнитивный компонент включает мысли, знания, мнения, установки, предрассудки субъекта общения. *Акциональная* сфера – то, как (каким образом) индивид осуществляет запланированные действия. *Соматический* компонент подразумевает физические и психические состояния индивида. *Позиционная* составляющая – социальные и ситуативные роли и позиции субъекта общения [12, с. 84-85].

Все перечисленные компоненты структуры личности находят свое отражение в дискурсе. Помимо них на форму и содержание дискурса оказывают также влияние такие интрасубъективные факторы, как пол, возраст, профессия, интеллектуальный уровень, уровень владения языком, а также некоторые внешние детерминаторы (экстрасубъективные факторы): партнер по общению, ситуация, сфера взаимодействия, нормы и конвенции речевого поведения данного этнокультурного коллектива. Е.Ф. Тарасов приходит к выводу, что смысл речевых действий изначально социален. Речевое общение сопровождается социальной интеракцией личностей, в процессе которой коммуниканты проявляют себя как носители социальных ролей, иными словами, любой акт межличностного взаимодействия сопровождается вербальной или невербальной реализацией позиционного компонента личностной структуры индивида. И.С. Кон отмечает, что «мы не можем описать поведение и взаимоотношения индивида с другими людьми и общественными учреждениями иначе, как в терминах выполняемых ими социальных ролей» [16, с. 578]. Под социальной ролью И.С. Кон понимает «нормативно одобренный образ поведения, ожидаемый от каждого, занимающего данную позицию» [16, с. 578].

Е.Ф. Тарасов называет акт речевого общения носителей социальных ролей «*социальной ситуацией*» [17, с. 272]. Социальные ситуации подразделяются им по ряду критериев на следующие группы:

- 1) *по признаку определенности, фиксированности ролевой структуры*:
  - нормативные социальные ситуации, в которых с начала речевого общения известны роли коммуникантов и иерархия ролей, а характер информации, подлежащей передаче, строго регламентирован;
  - ненормативные социальные ситуации, для которых характерно отсутствие фиксации ролевой структуры, неопределенность передаваемой информации.
- 2) *по признаку соблюдения социальных (этических) норм*:
  - санкционированные социальные ситуации, проходящие без значительных отклонений от этических норм;

– несанкционированные социальные ситуации.

3) *по признаку частотности, типичности для конкретного общества:*

– стандартные;

– нестандартные.

Отражение позиционной составляющей языковой личности происходит по-разному в различных социальных ситуациях.

Степень выраженности социального компонента зависит от этапа общения. Так, наиболее явно социальная составляющая речевого взаимодействия проявляется на этапах, требующих использования строго регламентированных сложившейся этнокультурной традицией фраз, т.е. в фазах зачина и завершения интеракции.

Рассмотрим отражение позиционного компонента личностной структуры коммуниканта в нормативном, санкционированном, стандартном взаимодействии в фазе установления контакта с собеседником.

Направление коммуникативному процессу задает первый этап взаимодействия, на котором происходит установление контакта и одновременно распределение позиционных ролей «старшего» и «младшего» (возрастной критерий здесь не всегда является основополагающим). В большинстве случаев на данном этапе общения коммуниканты используют метакоммуникативные единицы, под которыми понимаются информативно ослабленные, десемантизированные, конвенциональные средства языка [18, с. 10]. От выбора контактоустанавливающих метакоммуникативных единиц зависит возможность реализации и дальнейший ход коммуникативной интеракции, так как в случае несоответствия предлагаемой тональности общения ожиданиям адресата адресанта ждет коммуникативная неудача.

На способ реализации того или иного коммуникативного взаимодействия оказывают влияние исторически сложившиеся иерархии отношений: семейных, общественных, служебных, а также комплекс социальных, возрастных, образовательных, культурных и прочих компонентов, которые определяют статус-кво собеседников по отношению друг к другу.

В процессе интеракции с разными партнерами по общению субъект выступает в различных социальных ролях: хозяина по отношению к слуге, начальника по отношению к подчиненному, что соответствующим образом сказывается на сигналах, избираемых для установления контакта с собеседником. Все перечисленные роли доминантны, что, как правило, находит отражение в порядке зачина контакта – исследуемый субъект общения первым обращается к партнеру.

Отсутствие конвенциональных фраз приветствия допустимо в начале контакта при обращении вышестоящего лица к нижестоящему (в данном случае хозяина к слуге). Иерархичность данного метакоммуникативного акта, неравноправие его участников подчеркивается и обращениями – фамильярное со стороны хозяина, официально-почтительное со стороны слуги. Возрастное неравноправие участников коммуникативной интеракции

(Фриз значительно старше Максима) в данной ситуации не оказывает влияния на распределение ролей.

В следующей ситуации адресант использует свое более высокое социальное положение и запрашивает информацию о цели визита должностного лица, имплицитно тем самым чисто служебные отношения и официальный уровень. Краткое приветствие, для ответа на которое адресату не была предоставлена пауза, подчеркивает иерархичность интеракции. Лицо с более высоким статусом может пренебрегать приветствиями нижестоящих лиц.

Следует подчеркнуть, что позиционная составляющая в большинстве случаев доминирует при реализации конвенциональных актов общения над соматическим и когнитивным компонентами. Несоблюдение принятых норм социального взаимодействия данной этнокультурной общности может привести к внешнему конфликту между коммуникантами или к внутреннему конфликту одного из коммуникантов, вызванному противоречием между общественно принятыми и индивидуальными формами поведения. В большинстве случаев отклонение от конвенционального поведения в акте зачина коммуникационной интеракции обусловлено тем, что соматический компонент приобретает приоритет над позиционной составляющей.

Таким образом, особую значимость изучение влияния позиционного компонента структуры языковой личности на выбор контактоустанавливающих метакоммуникативных сигналов приобретает в случаях, когда у участников интеракции отсутствует предварительная информация о социальных ролях коммуникантов. Умение адекватно декодировать информацию, заложенную в контактоустанавливающих репликах собеседника, а также умение имплицитно передавать информацию социального характера важно для успешного взаимодействия коммуникантов, а также для выработки стратегий и тактик общения, наиболее эффективных в разнообразных ситуациях общения.

2 Статусные обращения как маркер социального контекста общества

2.1. Социальный статус как социолингвистическая категория

Многомерность дихотомии «человек – язык» изоморфна взаимодействию двух других категорий «единичное – общее», имеющих немало противоречивых толкований в философии и в социологии.

Схожесть позиций в анализе отношений человека и общества и человека и языка, на наш взгляд, заключается в том, что их основой является деятельность личности, которая определяет функциональный потенциал обеих систем: общественной и языковой.

Язык как деятельность (*Energia*, по Гумбольдту) создается каждым членом языкового коллектива, а это значит, что творцом языка является языковая личность. Ее деятельность, равно как и деятельность социальной личности, не подлежит оценке «хорошо» – «плохо». В философии трактовка личности долгое время зависела от идеологии, поэтому для определенной категории лиц статус личности был недоступен.

Социальный аспект также должен иметь другую шкалу оценки результатов речевой деятельности личности, привносящую в узус и норму не только лингвистически корректные единицы и структуры, но и речевые образцы, противоречащие требованиям языковой нормы, информация о социальном статусе человека расценивается как приоритетная в обществе. Об этом свидетельствует не только детальная специализация социальных характеристик человека в лексической семантике, но и психологическая закономерность запоминания наиболее важных характеристик человека при знакомстве: сначала запоминается лицо (уровень идентификации), затем – занятие (уровень классификации) и, наконец, имя и дополнительная характеристика (уровень характеристики). На уровне классификации человек определяется как представитель определенного социального слоя, профессии и т.д. [3, с. 30].

«Социальный статус» человека относится к числу центральных категорий социолингвистики. Безусловно, «социальная роль» и «социальный статус» – это взаимосвязанные понятия. Н.И. Формановская определяет «социальную роль» как «нормативное сочетание позиции и функции, при этом та или иная роль в сознании людей связана с образцом поведения, с ожиданиями того, что человек в данной роли обязан делать и на что он имеет право» [19, с. 44]. Для данного исследования важно разграничить данные понятия. Во введении нами уже было отмечено, что социальный статус – это понятие стратификационной социально обусловленной вариативности языка, а социальная роль – ситуативной. В социологии «социальная роль» – это определённая социальная функция, которую выполняет человек как элемент общества [20, с. 125]. Социальные функции определяют социальный статус человека, который обобщает множество социальных ролей. Ю.Е. Прохоров

говорит о роли статуса, как о ведущей при социализации личности, в том числе и вербальной социализации, при исполнении всех форм ролевой деятельности, безусловно, при межкультурном взаимодействии личностей [21, с. 17]. Вслед за В.И. Карасиком под социальным статусом мы понимаем «соотносительное положение человека в социальной системе, включающее права и обязанности и вытекающие взаимные ожидания поведения. При этом личностные характеристики человека отступают на второй план» [3, с. 3].

«Социальный статус» – это определённая социальная позиция, это общее положение человека как элемента общества, через которую он как бы встроен в структурную сеть. Понятие социального статуса первоначально означало правовое положение юридического лица. В широкий научный обиход оно было введено известным немецким социологом Максом Вебером, в работах которого статус, класс и власть выступают в качестве основных измерений социальной стратификации. Статус – наиболее конкретное звено в концептуальной триаде М.Вебера и оказывается наиболее нагруженным в культурологическом отношении и поэтому получает разнообразные способы выражения в языке [3, с. 3].

В работе «Язык социального статуса» В.И. Карасик выделяет три системообразующих признака этого понятия, которые соответствуют внутренним факторам социальной стратификации: поведение, стратификационную позицию и стиль жизни [3, с. 3].

Социальный статус личности, прежде всего, оказывает влияние на ее поведение. Зная социальный статус человека, можно легко определить большинство качеств, которыми он обладает, а также предсказать действия, которые он будет осуществлять. Отметим, что поведенческие приоритеты обусловлены этносом, характером народа, и отражены в традициях, культурных ценностях, словаре. Фактически некоторый образец поведения, признанный целесообразным для людей данного статуса в данном обществе, устойчивый шаблон поведения, включающий действия, мысли и чувства человека представляет собой «социальная роль. Ролевое поведение есть поведение человека, занимающего определенную социальную позицию в соответствии с ожиданиями людей. Социальная роль может быть закреплена за человеком формально (например, в законодательном акте) или же иметь неформальный характер. Каждый человек обладает не одной, а целым набором социальных ролей, которые он играет в обществе. Их совокупность называется ролевой системой. Мёртон употребляет термин «набор ролей» для обозначения «комплекса ролевых отношений, в который личности вовлекаются лишь в силу того, что они имеют определённый социальный статус». Он подчёркивает, что с каждым социальным статусом связана «не одна, а целое множество социальных ролей» [22, с. 118]. Ф.К. Бок употребляет термин «аллороли», под которым понимает «связанные варианты одной и той же структурной единицы» – «ролемы». Многообразие социальных ролей может стать причиной внутреннего конфликта личности (в том случае, если какие-то из социальных ролей противоречат друг другу).

Исследователи считают, что носители социального статуса не подвергаются опасности «крайнего конфликта» в наборах ролей, так как создаётся «определённая степень социальной регулярности формирования компонентов многочисленных наборов ролей» [22, с. 119]. На манифестацию ролей могут влиять следующие факторы: другие роли, а также единицы пространства и времени, в свою очередь определённые социально. При этом, если не удаётся найти среди фактов соответствующего окружения причины, обусловившие то или иное употребление различных вариантов роли, эти варианты можно считать «находящимися в отношении свободного варьирования» [22, с. 119]. Сопоставление роли и статуса позволяет выделить стабильность и векторную направленность [«выше – ниже»] в качестве основных характеристик статуса.

Говоря о выражении социального статуса, отметим, что оно может быть:

- 1) вербальным и невербальным;
- 2) помимовольным и намеренным;
- 3) прямым и косвенным [3, с. 3].

Остановимся более подробно на этих понятиях. Невербальная манифестация неравенства прослеживается как у людей, так и у животных. Вербальное выражение неравенства в языке реализуется на интонационном уровне (просящая или приказывающая, вежливая или категоричная интонация), на грамматическом уровне (сфера грамматической стилистики – виды модальности, вводные конструкции, разновидности императива, определенные виды инверсии), на словообразовательном уровне (некоторые уменьшительные суффиксы), на лексическом уровне (специальные слова и выражения, обозначающие статусное неравенство, например, уважительные обращения, и слова, имеющие те или иные коннотации социального статуса). Если «помимовольное» выражение статуса по своей сути – однородное явление, то намеренное выражение статуса имеет двоякую направленность: это – осознанное и акцентированное выражение того, что проявляется помимовольно, а, кроме того, это – стилизация способов выражения, свойственных представителям той или иной статусной группы. Выражение социального статуса человека может быть прямым и косвенным, а также основным и дополнительным. Мы говорим о прямом выражении статуса, имея в виду специальные слова или жесты, являющиеся индексами социальных отношений: обращения, титулы, формулы вежливости, поклоны.

Косвенные индексы социального статуса требуют развернутой интерпретации, они различны по своей природе и относятся к статусно-релевантным сферам жизни (образование, происхождение, работа, материальное положение, манеры поведения и т.д.).

Чтобы определить, какое социальное положение занимает человек, какой у него социальный статус и, соответственно, как нужно к нему обратиться, следует учитывать «индексы». Интерпретация, нахождение вербальных описаний для культурологических символов, составляет важную задачу лингвистики, а в историческом смысле – главную задачу филологии. Можно говорить об «индикации» социального статуса [3, с. 30]. Это обозначение

статусно-релевантных зон стиля жизни, контактов и речи людей. Статусные индексы стиля жизни представляют собой систему отличительных признаков, по которым противопоставляются в стратификационном отношении группы людей.

Следовательно, индикация стиля жизни распространяется фактически на все окружающие человека предметы, а также явления, отношения, способы поведения, оценки и т.д. Социальная индикация речи прослеживается в фонетике, лексике и грамматике. Осознание статусных индексов превращает их в оценочную категорию. С индикацией неразрывно связана оценка статуса. В широком смысле любая нормативная оценка носит статусный характер. В узком смысле можно говорить о статусной оценке как уважении либо неуважении и способах проявления соответствующего отношения. В условиях статусного неравенства уважение к адресату реализуется в соотносительной степени свободы участников общения: нижестоящий участник общения пользуется меньшей свободой выбора моделей поведения, чем вышестоящий партнер. Степень уважения к власти относится к числу национально-специфических характеристик культуры. Выражение статусных отношений в целом весьма специфично в различных культурах и языках. Это проявляется, в частности, в особых формах обращения. Особенно их важно знать человеку, для которого язык является неродным.

2.2 Обращения как основной способ вербального выражения социального статуса личности

Обращение является прямым и основным, вербальным и намеренным способом выражения социального статуса человека в обществе. Категориальный признак социального статуса человека в лексической семантике может быть представлен в качестве основного и дополнительного значения. В этом случае то или иное слово вызвано к жизни функцией выражения социального статуса, к числу которых В.И. Карасик относит единицы двух типов:

- слова, выступающие в функции обращения и выражающие характеристики статусного признака (индекс, вектор, репрезентация);
- слова, обозначающие иерархию в той или иной системе социальных учреждений (например, армейские чины).

Слова второго типа также могут быть использованы в функции обращения [3, с. 210].

В нашей работе мы будем рассматривать слова этих двух типов, выражающие значение социального статуса как основное. К таким лексемам, по мнению В.И. Карасика, относятся стандартные и нестандартные вокативы.

Стандартные вокативы включают два типа единиц, которые предлагается обозначить как неопределенные и определенные вокативы. К ним относятся, например, междометия, посредством которых привлекают внимание людей (типа *Эй!*, *Ау!*), а также некоторые виды местоимений (*Всем привет!*).

Наиболее широко представлен в русской лингвокультуре второй класс, в который входят различного рода титулы, звания, термины родства, личные местоимения второго лица, имена собственные, а также эмоционально-экспрессивные обращения. К нестандартным вокативам автор относит любые слова, которые могут быть употреблены в функции обращения. [3, с. 210].

В английском языке выделяется четыре класса стандартных определенных вокативов. Основным критерием отнесения слова к одному из этих классов считается тот или иной «категориальный признак, связанный с признаком вокативности – статусный, дейктический, антропонимический и эмотивный».

Признак социального статуса человека «устанавливается в значении слов, употребляемых в функции обращения и выражающих соотносительную позицию человека в социальной иерархии», которые в классификации В.И. Карасика названы социальными вокативами.

Общие вокативы являются универсальной формой этикетного контакта равных либо неравных по статусу людей; проявляют тенденцию к грамматикализации, которая выражается в том, что такие слова произносятся всегда в безударной позиции и становятся своего рода морфемами вежливости. Например, в русском языке дореволюционной эпохи обращение *Государь!* в устной речи сократилось в «сударь».

Специальные вокативы приняты по отношению к лицам, занимающим престижные должности в сложных автономных общественных образованиях, например, в армии, в государственных учреждениях (суде, полиции и т.д.), в образовательных и медицинских учреждениях, в церкви. Соответственно, в разных общественных подсистемах действуют разные правила обращения. Так, некоторые специальные вокативы развивают двойную вокативную систему – **прямую** и **опосредованную**. Двойная вокативная система свидетельствует о высоком социальном статусе адресата в обществе и распространяется на монарха и его близких, высшее дворянство, церковных иерархов, руководителей государства, высших чиновников. Например, обращения в двойной вокативной системе могут сосуществовать (*Государь!* и *Ваше Величество!*), могут иметь свою сферу употребления. Приведём примеры обращения главнокомандующего к императору: « *Потому и не начинаю, **государь**, - сказал звучным голосом Кутузов, как бы предупреждая возможность не быть расслышанным, и в лице его ещё раз что-то дрогнуло. – Потому и не начинаю, **государь**, что мы не на параде и не на Царицыном Лугу, – выговорил он ясно и отчётливо*» (Л.Н. Толстой. Война и мир); «*Я ожидаю, **ваше величество**, отвечал Кутузов, почтительно наклоняясь вперёд*» (Л.Н. Толстой. Война и мир).

Характерным фактом является то, что данные виды обращений не вызывают отторжения со стороны адресата, этикетная форма дает начало коммуникативному процессу, способствует установлению диалога.

До сих пор в лингвистической литературе нет единого мнения на природу вокатива. Однако в трудах многих исследователей обращение

дифференцируется в функциональном аспекте [23, с. 32; 24, с. 25-63; 25, с. 46-65].

Вокативная функция представляет собой более частный случай фатической («фаза включения контакта») и связана с «начальной» ситуацией общения. Некоторые исследователи связывают вокатив не только с фазой «включение контакта», но и с фазой «поддержание контакта» [26, с. 21]. На наш взгляд более убедительной выглядит точка зрения Н.И. Формановской, которая связывает вокатив только с фазой «включения контакта» (то есть с реализацией апеллятивно-вокативной функции). Этой функцией автором наделяется свободное обращение [27, с. 112].

Обращения могут занимать место в начале, середине или в конце высказывания. Свободное обращение, находящееся в начальной позиции, помимо общей для речевого этикета фатической (контактоустанавливающей) функции выполняет апеллятивно-вокативную функцию (призывает собеседника). «Обращение для того и существует, чтобы с его помощью включиться в речевой контакт, получить возможность сказать что-либо адресату». Несвободное обращение (находящееся в интерпозиции и постпозиции) не в полной мере выполняет функцию привлечения внимания, так как оно уже привлечено и беседа идет [27, с. 116].

По мнению В.Е. Гольдина, структурное расположение обращений функционально и семантически значимо. В препозиции преобладает выражение номинативных значений, а в других позициях главным нередко становятся социально-регулятивные значения, так как функция адресации в этих случаях менее актуальна, а обозначение социальной структуры акта общения своей актуальности не теряет. Обращения в середине или в конце предложения служат не «просто для поддержания уже ранее установленного контакта», а, в основном, для указания на взаимное положение адресата и адресанта и регулируют отношения между ними, отмечая все предлагаемые или происходящие изменения, а также сохранения прежних отношений [28, с. 22].

В.Е. Гольдин пишет о том, что «в русском языкознании существует определённая традиция исследования обращения, выход за пределы которой наметился лишь в последние годы». В рамках этой традиции обращение рассматривалось главным образом как явление чисто грамматическое или ещё уже – только как факт синтаксиса. Актуальным вопросом оказывался вопрос об отношении обращения к предложению, причём функции обращения анализировались преимущественно на уровне грамматики [28, с. 19].

Таким образом, в русской лингвокультуре наиболее частотны в употреблении стандартные и нестандартные вокативы, а в английском языке выделяется четыре класса стандартных определенных вокативов. Основным критерием отнесения слова к одному из этих классов считается тот или иной категориальный признак, связанный с признаком вокативности – статусный, дейктический, антропонимический и эмотивный.

2.3 Обращение как способ социокультурной параметризации общества

Социокультурная организация общества, и связанные с ней доминирующие культурные ценности, являются важнейшими параметрами культур. Социально-культурные параметры носят системный характер, они проходят сквозь всю культуру, проявляются в сознании, в аксиологической системе, образе жизни, в языке и коммуникации. Асимметрия социально-культурных отношений отражается на асимметрии систем вежливости, на особенностях национальных стилей коммуникации, на доминирующих коммуникативных стратегиях. Знание параметров культуры является чрезвычайно важным для коммуникантов, поскольку помогает понять, корректно интерпретировать и даже предсказать коммуникативное намерение представителей других лингвокультур. Помимо этого знание этих параметров способствует пониманию особенностей межличностной коммуникации, объясняет специфику построения дискурса в целом и структурные, а также коммуникативно-прагматические особенности отдельных реплик.

Коммуникативная функция культуры заключается в передаче информации, но при этом важную роль для межкультурной коммуникации играет и нормативная функция. Она проявляется в ответственности культуры за создание стандартов, норм и правил поведения. Количество предписаний, регламентирующих и регулирующих поведение, в различных культурах неодинаково. По этому принципу можно условно культуры поделить на «культуры интенсивного насыщения нормами» и «культуры неинтенсивного насыщения нормами» [29], т.е., культуры различаются по степени регламентированности поведения, в том числе коммуникативного. Одни являются более регламентированными, а другие обладают более свободным и естественным стилем коммуникации.

Являясь важнейшим элементом речевого этикета, обращение служит одним из главных средств, выработанных языком для обслуживания и регуляции человеческого общения, т.е. оно самым непосредственным образом связано как с историей народа, так и с изменениями в жизни общества, значит, употребление обращений исторически изменчиво и социально обусловлено.

Функционирование обращений в речи носителей разных типов речевых культур отражает признаки, релевантные для каждой из этих внутринациональных, т.е. просторечной, элитарной и национальных речевых культур.

Социальная структурированность общества всегда является детерминантом развития вербальной вежливости в широком смысле и ее внешнего начала – этикета-обращения, в особенности, т.к. он напрямую отражает и закрепляет существующие социально-статусные различия. Это

наиболее ярко раскрывается в понятиях престижа, языкового вкуса, дистанции, статуса и ролей, а также в интерпретации половых, возрастных и иных социолингвистических критериев. В обобщенном виде перечисленные компоненты устанавливают «социальную дистанцию между участниками общения» [30].

Степень статусного неравенства в разных культурах также различна:

- в казахской и русской культурах она **выше**, чем в английской [например, наличие в русском языке местоимений *ты/Вы*, обращений по имени-отчеству];
- в восточных культурах **выше**, чем в русской: там мы наблюдаем еще большее разнообразие местоимений второго лица, еще большее уважение к старшим, еще большее почитание статуса и соблюдение иерархии.

Так, например, в казахском языке существует 4 местоимения второго лица, которые выражают разные оттенки отношений. В Казахстане члены семьи и родственники обращаются друг к другу исключительно по иерархии родства, например, «старшая сестра», «муж старшей сестры», «жена старшего дяди со стороны матери» и т.д. Обратиться по имени можно только к младшему. Разветвленность системы обращений по отношению к «своим» позволяет характеризовать казахскую культуру как закрытую, свидетельствует о том, что носитель речевой культуры сосредоточен больше на отношениях внутри своего сообщества, чем за его пределами, а сложившаяся система обращений демонстрирует релевантность оппозиции *свой/чужой* для носителей данной речевой культуры. Здесь мы имеем наглядное свидетельство того, как особенности культуры (в данном случае это статусная дистанция, являющаяся одним из важнейших параметров культуры) проявляются в коммуникации и определяют ее основные черты, что в свою очередь подтверждает тезис о том, что «условия функционирования языка выступают как фактор, формирующий систему языка» [31].

Данные различия в социально-культурных отношениях находят прямое отражение в особенностях коммуникации.

Социальная дифференциация языка – это наиболее яркая форма связи между языком и обществом, влияния социальных факторов на систему языка, отражение в языке социальной структуры общества. Социальная обусловленность языка проявляется в разных формах, в том числе и в том, что определенные языковые средства приобретают функции социальных символов принадлежности говорящего к той или иной социальной группе, среде, в первую очередь это касается этикетных единиц языка.

Так, анализ этикетного материала в ситуации приветствия, были обнаружены отличительные особенности казахских и русских формул приветствия:

- казахских формул приветствия больше по количеству, чем русских;

- в казахской лингвокультуре преобладают критерии использования тех или иных формул приветствия, основанные на социальных, возрастных, половых различиях, а в русской лингвокультуре они незначительны;
- казахском языке имеется специальный суффикс, являющийся показателем вежливого приветствия, *-сыз/сіз*, в русском языке также существует подобный компонент, *-те*, однако наряду с указанным значением, он несет еще и значение множественности (обращение к нескольким адресатам), так что для полноты восприятия необходим контекст.

Анализ формул прощания позволил выделить как схожие, так и отличительные черты данных этикетных формул в рассматриваемых языках. Во всех языках ситуация прощания в целом является достаточно многословной, включая в себя помимо самой формулы прощания ряд фраз, выражающих значения пожелания, напутствия, благодарность, оценку ситуации, приглашения, намерения продолжать контакты, заботу о партнере. Во-вторых, во всех языках наблюдается тенденция к сокращению количества часто употребляемых формул прощания при том, что в целом они достаточно разнообразны. И наконец, ситуация прощания представляется наиболее демократичной в анализируемых языках, т.к. именно в ней наблюдается наименьшее количество различий в плане употребления (основным критерием употребляемости формул прощания является официальный/неофициальный характер коммуникации).

Наряду со сходствами были отмечены и некоторые различия:

- только в казахском языке присутствует суффикс, передающий значение вежливого обращения, *-ыңыз*;
- значительно отличается семантика основных формул прощания, пожелание здоровья в казахском языке, значение расставания до следующей встречи – в русском.

Согласно сопоставительного анализа рассматриваемых языков, были получены следующие различия в именных формулах обращения. Во-первых, ситуации употребления именных форм обращения не всегда совпадают. Во-вторых, в казахской и русской подчеркивается статусная и возрастная дистанция. Анализ форм обращения к незнакомому адресату также привел к заключению, что их количество в казахском и русском языках сравнительно большое, а ситуации употребления данных форм обращения не всегда совпадают. Для казахского и, в меньшей степени, русского языков характерны формы обращения типа *земляк, сосед, браток, сестренка, мамаша, бабушка, дядя* и т.д.

В казахском и русском языках формы обращения к незнакомому адресату передают коллективистский, семейственный уклад жизни. В казахском языке существует четкая оппозиция между вежливой/простой формой обращения, выраженная лексически местоимениями *сіз 'вы'* и *сен 'ты'* и грамматически окончаниями *ыңыз/іңіз, ңыз/ңіз, сыз/сіз* (данные формы

в грамматике казахского языка известны как *Сыпайы тұр/Жай тұр* ('Вежливая форма/Простая форма'). В русском языке местоимение *вы* и окончание – *те*, имеют двойное значение: вежливого обращения и 23 обращения к нескольким адресатам.

Таким образом, современный функциональный подход к культуре речи опирается на представление о принципиальных различиях в использовании языка, связанных с принадлежностью человека к тому или иному типу речевой культуры. Исследования последних лет признают отнесенность к определенной речевой культуре одной из наиболее существенных характеристик языковой личности. Деление носителей литературного языка на носителей разных типов речевых культур связано с характером отношения человека или группы людей к языку, его нормам, к культурным и нравственным ценностям, с владением или невладением всеми функциональными стилями.

Функционирование этикетных единиц в обществе подчинено существующей в нем системе культурных ценностей. Формулы речевого этикета, в первую очередь обращения, являются частью речеповеденческих стереотипов, специфичных для каждой речевой культуры и характеризующих ее. Функционирование этикетных форм обращения в речи носителя полнофункциональной речевой культуры подчинено кодифицированным нормам речевого этикета, зафиксированным в справочниках, пособиях по культуре речи и подкрепленным лучшими образцами современной литературы, подчас в ущерб реальным условиям коммуникации.

2.4 Способы невербального речевого взаимодействия коммуникантов как маркер этнической принадлежности

В условиях межкультурной коммуникации важно говорить о межкультурной восприимчивости, как о необходимом условии успешной работы людей, чья деятельность связана с взаимодействием между представителями разных культур, когда коммуникативные неудачи приводят к провалам в переговорах и к социальной напряженности. В процессе межкультурных коммуникаций нередко возникает непонимание из-за ложной интерпретации невербальных сигналов. Общаясь с представителем другой культуры, люди часто воспринимают определенные виды поведения как положительную реакцию, хотя на самом деле это поведение вовсе не означает утвердительный ответ. Например, что японец кивает головой и произносит слово *хэй*. Наилучшим переводом этого слова будет *да*. Но в японском языке *хэй* совсем не обязательно означает *да*. Иногда оно может означать *да*, иногда *может быть*, а порой даже *нет*. Это слово часто используется как регулятор речи, информируя говорящего о том, что собеседник его слушает. Оно может быть символом почтения по отношению к уважаемому лицу. Данное слово в сочетании с данным вариантом невербального поведения (кивком головой)

для японца почти наверняка будет обозначать не то, что для американца или англичанина.

Также есть разные стили слушания – от умения (желания) слушать, до полного неумения (нежелания) слышать. Говоря о культуре общения между людьми нельзя не затронуть проблему стилей коммуникации. Каждому человеку присущ свой стиль общения, который накладывает отпечаток на его поведение и общение в любых ситуациях. Стиль общения зависит как от индивидуальных особенностей и личностных черт людей, так и от истории жизни, отношения к людям, общепринятых в данной культуре норм общения и т.д.

Особое место в межкультурной коммуникации отводится стилям невербальной коммуникации, представляющим индивидуальную стабильную форму коммуникативного поведения человека, проявляющуюся в любых условиях взаимодействия, в любой ситуации. Здесь мастерство коммуниканта проявляется не только в культуре его речи, но и в умении использовать наиболее подходящее для каждого конкретного случая невербальные средства передачи сообщения.

Если европейские культуры избегают формальных кодов поведения, титулов, почтительности и ритуальных манер во взаимодействии с другими, то восточные народы и народы Азии, например казахи и турки, считают формальность одним из главных в своих человеческих отношениях. Она позволяет общению быть гладким и предсказуемым. Казахский язык склонен ставить участников разговора в соответствующие ролевые позиции и придавать каждому место в статусной иерархии. Например, в тексте: *«Если считаешь меня братом, возьми эти слова обратно! Не показывай свой характер! Склони голову и попроси прощения»* (С. Жүнісов. Ақан сері, с.56), говорящий призывает к уважению себя и просит склонить голову в знак прощения. Следовательно, все жесты, будучи знаками, имеют значение, занимая определенное место в культуре, имеют значимость и контексты употребления.

Вопрос о культуре невербальной коммуникации, в первую очередь, требует изучения этикетных норм поведения и табуирование невербального поведения.

В этой связи следует отметить высказывание Т.М. Николаевой, которая подчеркивает, что этикет, накладываясь определенным образом на речь, «членил совокупность неречевых элементов по новому основанию - допустимости/ недопустимости употребления» [32, с. 78].

В исследовании Дж. Фрезера всесторонне рассмотрена проблема «табу», в которых все табу он определяет в четыре группы: 1) запретные акты поведения, 2) люди, 3) предметы, 4) слова [33].

Табу явление присущее не только словам, но и невербальным компонентам и невербальному поведению человека. Как известно, табу очень тесно связано с этикетными нормами. Известный казахский ученый А. Сейдимбек этнокультурные запреты казахского народа делит на три группы:

1) запреты, касающиеся отдельного человека; 2) запреты, касающиеся общества; 3) запреты, касающиеся окружающего мира, природы.

В своей диссертационной работе Ж. Нурсултанкызы [34] к жестам-табу, касающихся отдельного человека относит следующие: *тісіңді қайрама, аузыңды керме, басыңды шайқама*, к запретам, касающимся общественной жизни по отношению к другому человеку или предмету: *үлкен кісінің алдынан өтпе, қонағыңа ашуланба, молаға қарай жүгірме*. А к третьей группе она относит: *жұлдызды санама, айды қолыңмен көрсетпе*. Таким образом, все запреты касаются так или иначе человека. Приведем некоторые жесты -табу казахского народа: *басыңды салбыратпа, бетіңді баспа, бүйіріңді таянба, бетіңді тырнама, жағыңды таянба, жуған қолыңды сілкіме, қолыңды айқастырма, қолыңды қусырып отырма, қолыңды төбеге қойма, қолыңды таянба, табаныңды тартпа, тізеңді қушақтама, таңдайыңды қақпа, шашыңды жұлма*.

В исследовании С. Бейсембаевой приводятся следующие жесты-табу: *адамға қарай керілмейді, біреуге қарап ерін шығармайды, үлкен адам алдында аяқты созып отырмайды, адамға қарап қолды шошайтпайды, саусақты, қолды орынсыз ауызға салмайды, үлкен кісінің жолын кесіп өтуге болмайды, тілді шығармайды*.

Существуют жесты, предписанные этикетом, этикетно-нейтральные, этикетно-недопустимые. К казахским жестам, предписанным этикетом относятся такие, как «қол алысу», «қол бұлғау», «иіліп сәлем беру», к этикетно-нейтральным «басын шұлғау», «бас изеу», «қас қабағымен нұсқау». К этикетно-недопустимым или к жестам-табу относятся «екі бүйрін таяну», «аяғын төбеге көтеру», «шашын жаю» и т.д.

Существовали ранее и существуют сегодня табу, наложенные на некоторые акты поведения или непосредственно на те или иные жесты, и многие из запретов относятся к нарушениям этикетных норм. Недопустимые жесты, или жесты-табу, делятся на две группы: 1) запреты, налагаемые религиозными традициями; 2) табу в повседневном быту [35].

Примеры правил-запретов, наследуемые от религиозных традиций следующие:

- не пересекай дорогу старшим (*үлкен адамның жолын кеспе*);
- не распускай волосы (*шашыңды жайма*);
- не рви волосы на голове (*шашыңды жұлма*);
- не стой на пороге (*босағада тұрма*);
- не опирайся на палку (*таяққа сүйенбе*);
- не качай пустую колыбель (*бос бесікті тербетпе*);
- не ложись ногами, направленными в сторону Мекки (*Қыблаға қарай аяғыңды берме*);
- не проходи между двумя стоящими людьми (*екі адамның ортасынан өтпе*);
- не целуй затылок младенца (*баланың желкесінен сүйме*);

- не показывай указательным пальцем на могилы (*мазаратқа қолыңды шошайтпа*);
- не плюй на огонь (*отқа түкірме*);
- не пинай огонь (*отты теппе*);
- не открывай дверь пинком (*есікті теппе*);
- не потягивайся у порога (*босағада керілме*);
- не переливай воду (*суды сапырма*);
- не носи пиджак, накинув его на плечи (*жебені жамылма*).

В работе Ж. Нурсултанкызы к запретам, касающихся традиций и религиозного верования казахского народа относит следующие: *саусағыңды шошайтпа, адамға түкірме, адам санама, ат құйрығын кеспе, аулдан аттанарда шаба жөнелме, аулга шауып кірме, аяқ қолыңды жіппен байлама, әйел адам еркекке қарсы қарап отырмайды, әйел адам еркектің алдын кесіп өтпейді, басыңа қара жамылма, басыңды босағаға беріп ұйықтама, босағаға сүйенбе, бос бесікті тербетпе, дастарханды аттама, есікті керме, жер таянба, жатқан кісінің үстінен аттама, қарт адамның алдын кеспе, молаға қарай жүгірме, табалдырықты баспа, таяққа сүйенбе* [34].

Все эти предписания-запреты демонстрируют или подчеркивают культурные традиции, и все они являются фактами национальной истории и культуры казахского народа.

Существует также ряд запретов на использование определенных жестов и на жестовое поведение казахов в быту:

- нельзя зевать (*есінбе*);
- задирать ноги в юрте (*аяғыңды аспанға көтерме*);
- не следует подавать пиалу чая левой рукой (*шәйді сол қолыңмен берме*);
- смотреть в упор на собеседника (*адамға тесіліп қарама*);
- нельзя заходить в дом левой ногой (*сол аяғыңмен үйге кірме*);
- нельзя упираться руками о пол (*жерге таянба*);
- не следует поворачиваться спиной к собеседнику (*адамға арт қарама*);
- нельзя подтягиваться перед человеком (*адамның алдында керілме*);
- причмокивать (*таңдайыңды қақпа*);
- скрипеть зубами (*тісіңді қышырлатпа*);
- бить кнутом по голове коня (*қамшымен аттың басын ұрма*);
- пинать домашних животных (*малды теппе*).

Раскроем значение и употребление некоторых из перечисленных коммуникативных жестов.

Тізеңді құшақтама. Нельзя обнимать руками колени. По традиции казахского народа человек обнимал свои колени в случае одиночества, потери близких людей, это было знаком круглого сиротства человека. Для казаха остаться без родных и близких было подобно смерти. Этим жестом человек показывал, что ему некого обнять кроме своих колен. «Жыла, жыла жесір!

Көзіңе ақ түссін, білдің бе. Қан түкіріп, қан сорған заманда заты еркегіңнен айырылып, *қу тізеңді құшақтап*, қурап – солған түрінді – ай» (О. Бөкеев. Айпара апа).

Беліңді таянба. Нельзя стоять подбоченясь. Только женщине, оплакивающей умершего, дозволялось использовать этот жест. У казахов этим жестом никогда не пользовались мужчины, а у киргизов его не могли применять ни мужчины, ни женщины.

Бетіңді баспа. Нельзя закрывать лицо руками. Человек закрывал лицо в случае получения трагической вести. Окружающие люди по данному жесту понимали о характере полученной вести. «Арғы бетке қашқан тап жауын бауыздап өлтіріп, астынағы бозжорға атын маған әкеліп берген еңбегің айыбыңды жеңілдетеді. Шеткерек тұрған Гүлия «Аь» деп *бетін басты*. Қасындағы кейбір қазақты танығандары мүсіркеп қарап, кейбірі көңіл айтысып жатты» (О. Бөкеев. Өз отынды өшірме).

Мазаратқа қолыңды шошайтпа. Нельзя показывать пальцем на могилу. Исполнение жеста «показывать на могилу» по существующему в казахской культуре поверью может привести к загниванию пальца или к смерти самого человека. Если человек случайно употребил этот жест, он моментально должен прикусить палец, а потом даже наступить на кончик пальца ногой. Вера в душу и в последующую загробную жизнь у казахов сохранилась по сей день. Издавна они считали могилы предков священным местом, охраняли могилы от врагов и никогда не наступали и не ходили по ним. Рядом с могилами нельзя было произносить ни одного плохого слова и нельзя было показывать на могилы пальцем.

Босагада тұрма. Нельзя стоять на пороге. Существующие до сегодняшнего дня традиции и жесты, связанные с порогом дома, отчетливо указывают на древнее происхождение жеста и словосочетания *стоять на пороге «босагада тұру»*. Гостя, пришедшего домой, казахи никогда не держали на пороге. На пороге не следовало даже разговаривать. Считалось, что, если гость не будет приглашен войти в юрту, то хозяин дома обеднеет, и у него никогда не будет достатка. Это поверье, воспринятое еще целым рядом народов, воплощается в форме соответствующего запрета-табу. Символика и смысловой корень порога, а также связанных с ним кинетических знаков-действий, дополнялся у многих народов самыми разными смыслами в течение нескольких веков. Саки сразу понимали намерения человека, который стоял на пороге и двумя руками держался за обе стороны дверного проема, а именно, уже по одному только этому жесту они знали, что человек пришел не с добром. В Сирии считали, что если человек будет стоять на пороге, то его ждет неприятность, а потому у всех входов в мечеть были высокие ступеньки. Монголы считали, если прислониться к порогу, то достаток уйдет из дому, а турки полагали, что сам шайтан сидит на пороге, и по этой причине запрещали детям сидеть у порога.

Подобные запреты отражаются в обычаях и традициях у многих народов. В средние века они были не только у вышеперечисленных народов, но также в Ираке, в Персии, в Индии, в Турции, во Франции [36].

У казахов все запреты, связанные с порогом, в особенности те, которые касаются поведения на похоронах и свадьбах или во время совершения таких ритуалов, как обрезание, соблюдались очень строго. У казахов молодая невеста должна была поклониться порогу. Эта традиция сохранилась до сих пор. У каракалпаков люди во время похорон трижды касались головой умершего об порог, и только после этого покойника хоронили. Дело в том, что у каракалпаков сохранилась вера в то, что это поможет умершему забыть то место, где он скончался, и он туда больше никогда не вернется. Если же человек стучал по порогу дома, то это было равносильно проклятию. Хакасы строго запрещали своим детям стоять у порога дома, поскольку, по их мнению, это отрицательно сказывается на росте ребенка. Подобные обычаи и правила, говорящие о том, когда и как нужно стоять или, наоборот, не стоять, и запреты, «не прислоняться», «не сидеть, не стоять у порога» сохранились в культурах до настоящего времени.

«Табалдырықты басып, не ары жоқ, не бері жоқ сілейіп тұрған Таған самайынан құлаған тер тамшысын сұқ саусағымен сұрткілеп не істерін білмей абдырады – Баспа табалдырықты, жаман ырым! Кір үйге, – деп еді, Таған қаттырақ басса, тақтай сынып кететіндей мысық табандап үйге кірді» (О. Бөкеев. Атау кере).

Шашыңды жұлма, бетіңді тырнама. Не рви волосы, не царапай лицо. О данном жесте И. Алтынсарин в своей статье «Орынбор ведомствосы қазақтарының өлген адамды жерлеу және оған ас беру дәстүрінің очерктері» пишет: «Сүйекті үйден шығарарда өлген адамның әйелдері ойбай салып дауыс шығарады, оған ауылдың басқа әйелдері де қосылады: **беттерін тырнап, қан қылады. Бастарына түскен қайғы- қасыретті жұрт алдында қандай күштірек көрсеткісі келсе, беттеріне де жара соншалықты көп түседі»** [37]. Многие тюркоязычные народы используют такие жесты горя и скорби, о которых подробно написано также в книге «Фольклор в Ветхом завете» английского этнографа Фрезера: «Родственники и близкие умершего царапают ногтями свои лица, рвут волосы, одежду, и падая на землю, громко плачут». Похожие жесты мы находим в культурах ханты-мансийцев, таджиков, киргизов или кавказцев. Используемый женщинами ритуальный жест *царапать лицо* можно квалифицировать как невербальное проявление стресса. По данным психологов и физиологов столь сильное эмоциональное переживание человека проявляется именно при такого рода действиях, и характерно для скорбных, горестных событий. Возможно, причинение себе физической боли дает человеку возможность заглушить острую боль утраты, горя или иную психическую боль. Реально исполняемые жесты *царапать лицо, рвать волосы, биться головой об стенку* с давних времен и по сей день являются симптоматическими знаками сильного душевного переживания.

«Осы кезде ауылдың арғы шетінен сай сүйекті сырқыратып жоқтау естілді. Аза тұтуға жиналғандардың барлығы солай қарай аңтарыла қараған. Шашын қобырата жайып жіберіп, өз бетін өзі шиідей етіп тырнаған жынды Сәбира зар да зарлы дауыспен Сталинді жоқтап келе жатыр еді» (О. Бөкеев. Алданған ұрпақ. «195...жылдар).

Очень близок к запрету *шашыңды жұлма, бетіңді тырнама* запреты *шашыңды жайма, шашыңды жұлма. Не распускать, не рвать волосы.* Только вдове позволялось распускать волосы в знак траура по мужу, а остальным женщинам это строго-настрого запрещалось. Сегодня этот запрет потерял былую силу, особенно в городе. Если взглянуть на жестовые знаки, которыми казахи пользуются с самых давних времен, то можно обнаружить, что они тесно связаны с религиозной жизнью и верой человека.

Қамшыны жерге сүйретпе. Не волочить кнут при входе домой. Казахи, будучи кочевым народом, не могли обходиться без лошадей, а потому казахи часто ходили с кнутом. Не случайно, в культуре казахов есть много запретов, наложенных на невербальное поведение, связанное с кнутом: «не волочить кнут домой», «беседуя, не размахивать им», «не вешать кнут на шею». *Волочить кнут в дом* – это жест, который до настоящего времени относится к запрещенным этикетным правилам, так как считается жестом неуважения или проявлением злости и ярости к собеседнику либо противнику. Казахи считали, что конь – это крылья человека; отсюда такие запреты, как «*не бей коня по голове кнутом*». Бить чью-либо лошадь по голове считалось знаком открытой неприязни, соперничества или ненависти к хозяину лошади. А кнут вешали на шею только в случаях потери близкого человека или во время обращения к богу.

Сол қолыңмен пиаланы ұсынба. Не подавать пиалу чая левой рукой. У казахов существует древнее поверье, что у человека на левом плече сидит сатана (шайтан), а на правом – ангел (періште). По этой причине любую работу необходимо начинать делать правой рукой. Сделать первый шаг за порог нужно правой ногой, пиалу чая следует подавать правой рукой и т.д., – тогда ангел будет охранять человека и вести его по жизни, помогая ему в поступках и мыслях [38].

Төбеңе қолыңды қойма. Не ставь руки на голову. Человек, который решил отречься от всего земного, от всех своих родных и близких, выходил в середину толпы, поднимал руки и ставил их на голову, тем самым старался сказать окружающим: «енді сендерді желкемнің шұқыры көрсін», т.е. «пусть теперь вас видит только мой затылок». «*Мүмкін жан дүниесін жайлай бастаған жалғыздықтан (үшеуі болса да) азарда – безер екі қолын төбесіне қойып қашып, мұңлылау әуенімен маңайына жолатпай айдап, қуғысы келгені ме*» (О. Бөкеев. Қар қызы).

Жатқан адамды аттама. Нельзя перешагивать через лежащего человека. Перешагивать через лежащего человека, значит грубо оскорбить его, унижить до предела. Поэтому запрещалось ни при каких обстоятельствах перешагивать через человека, особенно через голову. «*Осы сәтті табандап*

аңдыған мен сарт еткізіп іштен шалдым да, өзім шалқалай аударғанда, ол гүрс етіп астыма түсіп қалғаны...Әбден ызам келсе керек қызумен «Күш меніңкі, сор сеніңкі! деп басынан аттап кетіпін. Жұрт шу ете қалды. Азаматымызды қорлап, басынан аттады, сүйегімізге таңба болды, ру намысына тиді, тұрысатын жерін айтсын» -деп кіжінді. (О. Бөкеев. Бәрі де майдан).

Ауылға атпен шауып кірме, үйге жүгіріп кірме. Нельзя вбегать в дом и заезжать в аул на скаку. По древнему обычаю разрешалось вбегать в дом или заезжать на скаку в дом только умершего человека. Поэтому если кто-то вбегал в дом, то окружающие понимали, что он принес трагическую весть. Если же это была радостная весть, то вбегающий должен был кричать: «Сүйінші! Сүйінші!».

Үлкеннің жолын кеспе, бетіне тура қарама. Не пересекай дорогу страшему, не смотри прямо в глаза старшим. По традиции казахского народа старшим, престарелым людям всегда оказывали особое внимание и уважение. Дети, снохи, женщинам запрещалось без разрешения входить в комнату, где сидели аксакалы. А младшим по возрасту запрещалось прямо смотреть в глаза старшим, это касалось также женщин. По этому поводу В.В. Радлов пишет: «Прежде всего, от невесты требуется не задирать голову, молодой жене положено скромно опускать взор, потому что ей не разрешается смотреть прямо в лицо ни одному из старших родственников мужа. Она должна скромно уступить дорогу старшим родственникам и не смеет пройти перед ними» [38, с. 310].

В своей статье «Тыйым сөздердің тағылымдық мәні» А. Кобланова пишет: «Қазақ келіндері өзін ата енесінің алдында асқақ ұстамауына, **бетін тура қаратпай** бір қырындай, бір тізерлеп отыруына, төрге шықпауына, дауысын көтеріп сөйлемеуіне, үлкендердің әңгімелеріне бет алды араласпауына, **оларға жол беріп**, сәлем салуына, қарым қатынас сөздерінің аса сыпайы түрлерін таңдауына қатты мән береді» [39]

Младшему поколению запрещено «сидеть перед старшими, вытянув вперед ноги», не следует «скрещивать ноги» и «смотреть в упор»: ребенка казахи, кстати, как и жители Латинской Америки, специально учат не смотреть в глаза старшим. С помощью правил этикета наши предки воспитывали у молодых уважение к старшим, учили молодых ценить и беречь народные традиции. Такие невербальные правила поведения, наряду с запретами, очень важны для будущего поколения. Таким образом, принятые у казахов правила этикета тесно связаны с национальными традициями и мировоззрением народа. Говоря словами Н.И. Формановской, «этикет – это собранный народом свод воспитательных правил»[19]. Поэтому древний этноэтикет не только необходимо изучать, но и, что очень важно, сделать его достоянием молодежи.

Существуют жесты, которые получили широкое распространение у разных народов. Но некоторым из них в разных культурах придается разное значение и наоборот: одно и то же содержание может быть выражено

различными средствами. Например, в казахской культуре пощипывание щек используется для выражения стыда, а в абхазской культуре данным жестом выражается безразличие. Примером того, что одно и то же содержание может быть выражено различными способами является выражение сожаления, досады: в казахской культуре выражается жестом «*санын соғу*», в европейской – «*кусать губы*». Примеры противоположного характера подчеркивают конвенциональный характер большинства кинем. Даже такие универсальные по своему значению жесты, как приветствие, прощание, выражение просьбы и другие имеют множество вариантов выражения не только в разных культурах, но и в пределах одной этнической культуры.

Жесты-табу имеют национальную специфику, например, в казахской культуре нельзя опираться на палку «*таяққа сүйенуге болмайды*», так как это делал только тот, у которого умер близкий человек. Однако в других европейских культурах было когда-то очень модно ходить с тростью.

Табу бывает в отношении не только невербального поведения, но и слов. Например, у казахов вместо слова «умер» используется выражение «*көз жұму*», что означает буквально «*закрывать глаза*».

Следует отметить, что в отношении жестов-табу альтернативных вариантов не существует. Использование невербальных компонентов коммуникации в казахском языке тесно связано с этикетной нормой казахской национальной культуры.

Таким образом, во все времена обыкновенный жест обладал огромной юридической и религиозной силой, способной привести в действие не только отдельных людей, но целые коллективы. Человек рассматривается как единство души и тела, и жесты воплощали в себе их связь, выражая желания и волю, чувства и устремления – все, по словам С.С. Аверинцева, «священные движения души» [40, с. 56].

Определенные классы или группы людей могут образовать свое жестовое сообщество со своим порядком и своим несловесным языком. Социальный характер жестового поведения подчеркивает тот факт, что в более поздние времена жесты выполняли две основные функции. С одной стороны, они подтверждали принадлежность человека к данному коллективу, а с другой – отражали иерархию членов как внутри одной группы, так и между группами.

В казахской культуре социальный характер проявляется в таких жестах как «*тізе бүгін іліп сәлем беру*», «*қол құсырып сәлем беру*», «*екі қолдан амандасу*», «*қолын көтеру*» и другие.

Как уже отмечалось выше, жесты не только обслуживают различные общественные и частные ритуалы, они являются неотъемлемым и необходимым компонентом бытовой жизни людей. В каждом этническом коллективе, в каждой культуре жесты не только выполняют идеологические, культовые и социальные функции, они отражают также и практическую деятельность частного человека.

Каждый участник культурного контакта располагает своей собственной системой правил, функционирующих таким образом, чтобы отосланные и полученные послания могли быть закодированы и декодированы. Признаки межкультурных различий могут быть интерпретированы как различия вербальных и невербальных кодов в специфическом контексте коммуникации. На процесс интерпретации, помимо культурных различий влияют возраст, пол, профессия, социальный статус коммуникантов. Поэтому степень межкультурности каждого конкретного акта коммуникации зависит от толерантности, предприимчивости, личного опыта его участников.

Из этого следует вывод, что представления о тех или иных феноменах, существующие в национальном культурном сознании, очень часто серьезно отличаются от тех представлений об этих феноменах, которые могут сложиться на основании сведений, добытых из энциклопедий и специальной литературы.

Необходимость изучения базовых компонентов того культурного ядра, которое является достоянием практически всех членов лингвокультурного сообщества, объясняется еще и тем, что без знания этих компонентов адекватная коммуникация оказывается затрудненной или невозможной. Почти каждый человек, имеющий опыт общения с представителями иной культуры, оказывался в ситуации, когда коммуникация не была успешной, причины же неудачи лежали за пределами собственно языка, но определялись незнанием тех элементов национального культурного пространства, которые представляются его носителям «само собой разумеющимися и всем известными» [41]. Таким образом, использование невербальных компонентов тесно связано с этикетной нормой национальной культуры народа.

2.5 Синтаксические модели этикетных формул обращений к собеседнику

Синтаксический статус обращения по-разному трактуется исследователями. Рассматриваются все разновидности моделей синтаксического построения речевых формул обращения в русском языке, суммируются наблюдения над синтаксическим функционированием обращения. Для выполнения апеллятивной и социативной функций в синтаксической системе любого языка в процессе ее становления и развития вырабатываются специализированные элементы. К их числу относится и обращение, которое в синтаксическом плане не получило убедительного теоретического объяснения и различными лингвистами трактуется по-разному.

Вслед за А.М. Пешковским, большинство исследователей считают обращение такими же словами или словосочетаниями, которые не входят в состав предложения и не составляют отдельных предложений. Однако эту точку зрения не принимал А.А. Шахматов, который обратил внимание на тот факт, что обращение может составлять единое синтаксическое целое с

предложением, отчего грамматическая и функциональная природа его не меняется. По мнению А.Г. Руднева, обращение – это особый член третьего порядка, который связывается с предложением соотносительной синтаксической связью. Г.П. Торсуев на основании анализа интонации обращения пришел к выводу, что оно представляет собой самостоятельный коммуникативный тип предложений.

Наиболее удачными, на наш взгляд, являются подходы Руднева и Торсуева, ставящие обращение в ряд самостоятельных структурных типов предложений. Учитывая сложность и многообразие проблем, возникающих при исследовании синтаксиса обращения, мы преследовали цель ответить лишь на некоторые основные вопросы, касающиеся функционирования и признаков этой синтаксической единицы. Говоря о синтаксической структуре обращения, нам пришлось ограничиться лишь указанием на сходства и различия с другими типами именных односоставных предложений. Во многих исследованиях синтаксиса русского языка, невозможно заключить, какую синтаксическую функцию выполняет несвободное обращение. Логичнее, на наш взгляд, принять точку зрения, согласно которой эта синтаксическая единица рассматривалась бы как автономное слагаемое в составе сложного целого, а соотношение расценивалось бы как ситуативно-смысловая связь, устанавливающаяся между грамматически независимыми друг от друга компонентами сложного синтаксического целого. Некоторые исследователи, признавая за обращением грамматическую независимость от сочленяемых компонентов, не считают высказывания с обращениями сложными предложениями. «Для возникновения сложного предложения нужно, – по мнению Г.В. Валимовой [42], – чтобы соотнесенные содержания входили во взаимодействие друг с другом, порождая обобщенные синтаксические значения и отношения. Поэтому данную форму высказывания можно считать сочетанием предложений, а не сложным предложением». Это замечание не противоречит нашему выводу о грамматической автономии несвободного обращения. Наличие в обращении всех необходимых признаков самостоятельной синтаксической организации, т.е. таких категорий, как односоставность, предикативность, модальность, время, лицо и число, позволяет рассматривать эту синтаксическую единицу в ряду именных односоставных предложений.

А.Г. Руднев определяет обращение как «особый член предложения, не являющийся ни главным, ни второстепенным, **как член предложения третьего порядка**, который связывается с предложением особым видом синтаксической связи – соотносительной связью» [43, с. 193].

По мнению большинства синтаксистов, обращение как по внешнему, так и по внутреннему существу едва ли может рассматриваться как член предложения, потому что в предложении оно не является ни сказуемым, ни подлежащим, ни дополнением, ни обстоятельством. Даже включаясь в состав предложения, **обращение не становится его членом**, то есть «не имеет сочинительной связи с другими словами» [44, с. 402].

Существует также точка зрения, согласно которой обращение, отличающееся особой интонацией, представляет собой **самостоятельный коммуникативный тип предложений** [45, с. 212-216].

Однако все исследователи едины в одном, что обращение играет важную роль в общении и должно вследствие этого рассматриваться и в контексте средств социальной регуляции акта общения. Именно в таком аспекте будет рассмотрено обращение в нашем исследовании.

Обращение – одно из главных средств универсального характера, выработанных языком для обслуживания человеческого общения, для установления связи между высказываниями и субъектами общения, для интеграции разных сторон и компонентов ситуации общения в единый коммуникативный акт.

В лингвистическом энциклопедическом словаре приводится следующее толкование обращения: «это грамматически независимый и интонационно обособленный компонент предложения или более сложного синтаксического целого, обозначающий лицо или предмет, которому адресована речь. Обращение является носителем двух, обычно совместно реализующихся функций: призывной (апеллятивной) и оценочно-характеризующей (экспрессивной) [46, с. 340].

Определение второй функции обращения – это называние адресата. С точки зрения «Русской грамматики – 80», «обращение – это распространяющий член предложения – имя в форме им. п., возможно - с зависящими от него словоформами, называющий того, к кому адресована речь. Это может быть название лица, неодушевлённого предмета или явления» [47, с. 163].

В.П. Проничев указывает, что «в первую очередь обращение есть название адресата речи и только во вторую - название, употреблённое с целью контактирования», и отмечает, что обращение показывает «характер и способ общения, обхождения с кем-либо». Далее ученый указывает на функцию обращения: «обращение – организованное по законам данного языка название реального или предполагаемого адресата речи, используемое в речевом общении с целью привлечь внимание того лица, к которому речь направлена, вызвать у него определённую реакцию на последовавшее или последующее сообщение или вынудить его к совершению действия, диктуемого разговорной ситуацией» [48, с. 3].

Функциональная двойственность обращения отмечена Н.Д. Арутюновой. «Обращение – с одной стороны, позволяет адресату идентифицировать себя как получателя речи. С другой стороны, в апеллятиве часто выражается отношение к адресату говорящего. Функциональная двойственность ведёт к тому, что в позиции апеллятива сочетаются идентифицирующие номинации с номинациями субъектно-оценочного типа» [49, с. 340].

Называя адресат, мы «обозначаем его социальный статус, роль (обращения-указатели), или наше отношение к нему, как ролевое, так и

личностное (обращения-индексы)» [50, с. 137]. Н.И. Формановская указывает, что «регулятивы, в отличие от индексов, не указывают ни на один из социально-ролевых признаков адресата, а лишь представляют собой инструмент регулирования личных оценок и отношений [51, с. 287]. Обращения-указатели называют людей по степени родства, по возрасту и полу, по положению в обществе, по профессии, должности. Исследователи отмечают, что «употребление принятых в каждом обществе форм обращения к разным социальным категориям лиц (*Сэр, Сударь, Ваше благородие...*) отражает уже не личные, а социальные отношения». Их появление стимулировало «соединение оценочного элемента с идентифицирующим в семантике обращения» [49, с. 342].

Лексической базой для образования обращений служат обширные лексико-семантические группы наименований родства, собственных имен, кличек и прозвищ и др. Д.Э. Розенталь и М.А. Теленкова указывают, что обращениями служат «собственные имена людей, названия лиц по степени родства, по положению в обществе, по профессии, занятию, должности, званию, по национальному или возрастному признаку, по взаимоотношениям людей и т.д.; названия или клички животных; названия предметов или явлений неживой природы, обычно в этом случае олицетворяемых; географические наименования и т. д. <...>» [52, с. 227].

В сознании носителей языка и в русской лексикографической традиции выделяются слова, отличающиеся от других тем, что они специально приспособлены к выполнению контактоустанавливающей функции и служат целям социальной регуляции акта общения. В.Е. Гольдин отмечает две принципиально разные группы лексики: одни слова неспособны к наименованию лиц в референтной функции, другие же могут обозначать некоторый объект действительности.

Обращения-номинации указывают на социальную роль и статус адресата (здесь концентрируются обращения – номинации родства, профессий, служебных и ролевых положений и т.д.): *няня, водитель, мальчик, Андрей, Мария* и т.д.

Обращения-регулятивы возникают из индексов. Происходит это тогда, когда слово утрачивает способность передавать многие (или даже все) признаки адресата (имеются в виду социальные признаки) и при этом сохраняет и развивает признаки относительные, то есть содержит указание только на тип отношений, создаёт определённую тональность – непринуждённую, дружескую, шутливую и т.д.: *голубчик, дружок, Машенька* и др. С помощью «регулятивов» говорящий активно воздействует на общение, придавая ему нужный стиль [50, с. 38].

Коснёмся также различий обращений с точки зрения структуры. Анализируя типы номинаций для обозначения статусов лица в современном русском языке и учитывая структурный тип наименований, Н.И. Мигирова выделяет: название с помощью слов, словосочетаний, фразовые, лексические, синтагматические наименования. Автор подчеркивает, что

фразовые и многие синтагматические наименования обычно представляют собой окказиональные названия, тогда как слова являются в большинстве случаев узуальными наименованиями [53].

Обращение в русском языке чаще представлено словом и словосочетанием. В исследовании Н.И. Мигириной отмечено, что только в 18 примерах из 8662 (0,2%) фразовые наименования вербального типа функционируют как обращения. Например: «*Кто довольствуется, тот выходи*», «*Спи, кто может*». Из 554 фразовых наименований адъективного типа встретился 1 пример употребления модели в синтаксической позиции обращения: «*За мной, кто смел*», зарегистрировано 2 случая употребления фразового наименования субстантивного типа в роли обращения: «*Кто «не высшего разбора» убегай из наших мест*», «*Кто не без греха, первый брось камень*». Из 556 фразовых наименований лиц с односоставной предикативной структурой встретился лишь один пример функционирования в роли обращения: «*Кому скорей надо, то осадь назад*» [53, с. 52].

Многословные обращения – это устойчивые кодифицированные словесные комплексы, целостные и неделимые в данном контексте словосочетания:

- имя и отчество (имя и фамилия);
- словосочетания с приложением к обращению, например, *Товарищ Петров! Господин Куликов!* и др.;
- название должности, ученого или воинского звания, духовного сана и т.п., в том числе с прилагательными дорогой, уважаемый и т.п., например: *Господин Президент! Товарищ генерал! Уважаемый Председатель совета!* и др.
- обращение к группам лиц, например, *Дамы и господа! Товарищи студенты! Дорогие друзья и коллеги! Уважаемый Председатель, уважаемые члены президиума, дорогие коллеги и гости!* и др.

Таким образом, обращение выполняет несколько функций, а главная из них – привлечь внимание собеседника. В роли обращений используются как собственные имена, так и названия людей по степени родства, по положению в обществе, по профессии, должности, по возрасту и полу, обращение также указывает на соответствующий признак.

Н.И. Формановская замечает, что «для того, чтобы направить кому-либо слова, адресоваться к кому-либо, его необходимо позвать, а часто и назвать, то есть употребить ту номинацию, которая с точки зрения адресанта, наиболее соответствует социальному статусу и роли адресата (для незнакомого определяемые «на глаз», для знакомого известные, при этом избираемые из синонимического ряда как наиболее уместные в данной обстановке общения)», поэтому «суть обращения заключается в том, чтобы выделить из ряда лиц нужного человека, привлечь его внимание, установить с ним контакт в избранной тональности (соответственно обстановке, социальным ролям, отношениям и т.д.)» [27, с. 113].

Одна из главных общественных функций обращения - характеристика социальных позиций партнёров общения, их взаимоотношений. Контактостанавливающая и характеризующая функции выступают в тесном переплетении друг с другом: характеристика лица по какому-то признаку может служить основой для установления контакта с этим лицом.

Статусные обращения являются вербальным, намеренным, прямым и основным способом выражения социального статуса личности. Они выражают социальный статус, основные характеристики которого - стабильность и векторная направленность, в аспекте стратификационной вариативности языка в отличие от ситуативной вариативности, где ключевым понятием следует считать социальную роль. Функцию статусных обращений выполняют, во-первых, слова, выражающие относительное положение человека в социальной стратификации, во-вторых, слова, обозначающие иерархию в системе социальных учреждений. В последнем случае имеется в виду, например, стратификация в военной (армейские чины) и религиозной сферах.

Обращение является своеобразным «индикатором социальных отношений между коммуникантами» [54, с. 3]. Обращения социально маркированы, и не случайно вопросы об их выборе обостряются в периоды смены общественно-экономических формаций, радикальных социально-политических перемен. «Языковая природа предложений с обращениями» непосредственно касается выявления общей языковой природы формул обращения в составе предложения, установления характера связей обращения с предложением, определения внутренних и внешних отличительных признаков обращений в предложении. Включаясь в состав предложения, «обращение не становится его членом, то есть не имеет сочинительной или подчинительной связи с другими словами и сохраняет обособленность своей позиции и грамматическую самостоятельность». В «Русской грамматике», наиболее авторитетном труде о строе русского языка, обращение квалифицируется как распространяющий член предложения, особым образом связанный с остальным его составом [55, с. 163] Очень показательным, что и в последних научных публикациях мысль о синтаксической изолированности обращений предпочитают не абсолютизировать: «... надо иметь в виду, что изучаются не обращения, а предложения с обращениями». Вполне правомерно после наших исследований характера связей обращения с предложением, рассматривать обращение как особую синтаксическую конструкцию, осложняющую простое предложение и непременно обладающую добавочной предикативностью. Такой подход к обращению предполагает достаточно гибкую его оценку по отношению к целому (предложению) и повышает степень опознаваемости этой синтаксической конструкции. Основная функция обращения очень часто сочетается с экспрессивной оценкой, которая выражается по-разному: интонацией, повторением обращения, сопровождающими его междометиями или частицами. Обращение или вводится внутрь предложения или

непосредственно сопровождает его: *Ты их узнала, дева гор, восторги сердца, жизни сладость* (Пушкин А.С.). Если речь обращена к нескольким, многим, то в предложении может быть введено несколько обращений: *Подруга дней моих суровых, Голубка дряхлая моя! Одна в глуши лесов сосновых Давно, давно ты ждешь меня* (Пушкин А.С.). В разговорной речи и отражающих ее письменных текстах форма именительного падежа существительного в обращении может выступать с отсечением флексии: *мам, Валь, Вань, Коль* и т.п.: *Маманьк, а ужинать когда будем?* (Тихонов 1991). Для обращений характерна так называемая звательная интонация, противопоставляющая эту конструкцию общей методике предложения. Признавая звательную интонацию важным выразительным признаком обращений, мы группировали материал, стремясь в полной мере учесть те факторы, которые особенно явно влияют на ее качество. Главным из них необходимо признать место обращения в предложении. Обращения возможны в начале (препозитивные), в середине (интерпозитивные) и в конце (постпозитивные) предложения. Эмоциональная окрашенность препозитивных обращений может получать специальное оформление: используются повтор и группировка обращений в сочинительные ряды, что усиливает звательную интонацию: *Ветер, ветер! Ты могуч, Ты гоняешь стаи туч...* (Пушкин А.С.). Обращения интерпозитивные, произносятся с заметно ослабленной звательной интонацией, с некоторым понижением тона: *Не шуми ты, рожь, спелым колосом* (Кольцов). В предложениях с постпозитивным обращением звательная интонация тоже ослабляется, а порой почти не чувствуется: *Прошла война. А ты все плачешь, мать* (Твардовский).

Таким образом, все признаки, по которым опознаются обращения, «работают» в комплексе, что и позволяет отделять обращения даже от внешне близких к ним языковых единиц.

2.6 Эволюция статусных обращений в русской лингвокультуре

Статусные обращения в русском обществе регламентировались «Табелью о рангах». Особенностью обращений этого периода было отражение социального расслоения общества, важной его черты, как было отмечено выше, – чиновничества. Появились формулы титулования – так называемый общий титул по классу чина или должности. Они были установлены законом, сложились постепенно на практике и ориентировались на западноевропейские нормы.

В русском языке были распространены следующие статусные обращения:

- 1) Официальные обращения.
  - -обращения - общие титулы;
  - -обращения, указывающие на частные титулы [чин и должность].
- 2) Неофициальные обращения.
  - -обращения - родовые титулы;

– -обращения, отражающие сословное расслоение общества.

- 1) Проявлением чинопочитания стали общие титулы по классу чина или должности. Например,
- **Высокопревосходительство, Ваше высокопревосходительство** – это формула титулования и официально-почтительного обращения к высшим военным и гражданским чинам 1 и 2 классов по Табели о рангах (генерал-фельдмаршалу, генералу от инфантерии, генералу от кавалерии, генералу от артиллерии; государственному канцлеру; действительному тайному советнику; к министрам), а также к их жёнам: *«Ты доволен им?» – спросил Кутузов у полкового командира. Полковой командир <...> вздрогнул, подошёл вперёд и отвечал: «Очень доволен, ваше высокопревосходительство»* (Л. Н. Толстой. Война и мир). Обращение полковника к генералу Каменскому: *«Видите, ваше высокопревосходительство, в каком я положении ...»* (Л.Н. Энгельгардт. Записки);
  - **Ваше превосходительство, Превосходительство** – это формула титулования и официально-почтительного обращения к военным и гражданским чинам 3 и 4 классов по Табели о рангах (генералу, адмиралу, тайному советнику, действительному статскому советнику, обер-прокурору, ректору университета), а также к их жёнам. Например: *«- Поприще службы моей, – сказал Чичиков, садясь в кресла не в середине, но наискось, и ухватившись рукою за ручку кресел, – началось в казённой палате, ваше превосходительство (к генералу) <...>»* (Н.В. Гоголь. Мёртвые души). Обращение ротного командира к генералу: *«Ваше превосходительство, это Долохов, разжалованный... – сказал тихо капитан»* (Л.Н. Толстой. Война и мир); Ноздрёв обращается к губернатору: *«- <...> Ведь вы не знаете, ваше превосходительство, горланил он тут же, обратившись к губернатору <...>»* (Н.В. Гоголь. Мёртвые души).
  - **Ваше высококордие, Высокордие** – это формула титулования и официально-почтительного обращения к чиновным лицам 5 класса (статскому советнику, обер-берггаутману, а также к бывшим бригадирам, военным чинам русской армии 18 в., средним между генералом и полковником) и к их жёнам. Например: *«Пришибеев <...> делает руки по швам и отвечает хриплым голосом <...>: «Ваше высококордие, господин мировой судья! Стало быть, по всем статьям закона выходит причина аттестовать всякое обстоятельство во взаимности»* (А.П. Чехов. Унтер Пришибеев). *«(Несчастливцев) Поди сюда! (Восьмибратов) Желаю здравствовать, ваше высококордие! Имени отчества не знаю-с ...»* (А.Н. Островский. Лес);
  - **Высокоблагородие, Ваше Высокоблагородие** – это формула титулования и официально-почтительного обращения к военным и гражданским чинам 6, 7, 8 классов по Табели о рангах (штаб-офицеру, капитану, майору, полковнику; коллежскому асессору, надворному и коллежскому

советникам), а также к их жёнам. Например: *«Капитан крикнул на Сучкова: «Стой как следует! Это ты вчера на суп жаловался?» – «Да». Капитан топнул ногой и грозно крикнул: «Как ты смеешь так отвечать начальству?! Спроси у взводного, как нужно отвечать?» – «Господин Гаврилова, как ему нужно отвечать?» – Капитан совсем вскипел: «Не «господин Гаврилов», а господин взводный или по имени-отчеству, и не «ему», а «его высокоблагородию!» <...> – «Так точно, ваше высокоблагородие!» (В. Вересаев. Враги). Обращение фельдшера, ошибочно принимающего Ростова за больничное начальство: «– Кто ж тут ходил за больными! - спросил он фельдшера <...>. – Здравия желаю, «ваше высокоблагородие!» – прокричал этот солдат, выкатывая глаза на Ростова и, очевидно, принимая его за больничное начальство <...>» (Л.Н. Толстой. Война и мир);*

- ***Благородие, Ваше благородие*** – формула титулования и официально-почтительного обращения к офицерам и чиновникам с 14 по 9 класс включительно, а также к их жёнам. Например обращение фейерверкера к капитану Тушину: *«– Что прикажете, ваше благородие? – спросил фейерверкер, близко стоявший около него и слышавший, что он бормотал что-то» (Л.Н. Толстой. Война и мир). Обращение солдата к Ростову: «– Этою дорогой, ваше благородие, поезжайте, а тут прямо убьют, – закричал ему солдат. – Тут убьют!» (Л.Н. Толстой. Война и мир).*

По мнению исследователей, наиболее частотными в употреблении в конце 18 века стали три общих титула: ***ваше превосходительство*** (для чинов высших классов), ***ваше сиятельство*** (для сенаторов), ***ваше благородие*** (для прочих чинов и дворян). Однако затем количество употребляемых титулов возросло до пяти, в отличие от других европейских стран, в том числе и Англии: ***ваше высокопревосходительство, ваше превосходительство*** – для высших; ***ваше высокородие*** и ***ваше высокоблагородие*** – для средних; ***ваше благородие*** – для низших [56, с. 149]. Этот языковой факт объясняется русской ментальностью, для которой характерно адекватное ранжирование членов общества, стремление установить своеобразную служебную и общественную иерархию. Частое употребление формул титулования делало живую речь тяжеловесной и труднопонимаемой.

Кроме общих титулов, при обращении употреблялись частные титулы. Примерно равные между собой должностные лица обращались друг к другу либо как к высшим, либо по чину, добавляя слово ***«господин»*** (например, ***господин капитан!***), либо по имени и отчеству. Приведём примеры использования обращений, указывающих на частные титулы (слово «господин» + наименование чина): например, *«-Война не шутка, **господа генералы**...Мы отвечаем за жизнь людей» (А.Н. Толстой. Пётр Первый); «Тогда Денисов [купец] <...> крикнул на двор: - **Господин поручик**, слово государево за мной!...» (А.Н. Толстой. Пётр Первый); «Он [Пётр] остановился у помоста и почтительно снял шляпу перед толстым адмиралом Головиным <...>. – **Господин адмирал**, корабль готов к пуску.*

Прикажи выбивать стрелы?» (А.Н. Толстой. Пётр Первый); *«25-го обедал я у фельдмаршала, как вдруг он сказал мне: “Как, **господин майор**, я слышал, что вы хотите в отпуск?”»* (Л.Н. Энгельгардт. Записки); *«Генерал подъехал к Свято-Николаевскому полку, бывшему у самой горы: “**Господин полковник!** – сказал он, – прикажите своим резервам атаковать гору”»* (Л.Н. Энгельгардт. Записки).

Соблюдение принципа старшинства и чинопочитания считалось обязательным при всех официальных и торжественных церемониях: при дворе, во время парадных обедов, при бракосочетаниях, крещениях, погребениях и даже в церкви при богослужениях. Почитание лиц по рангам не касалось лишь тех случаев, «когда некоторые, яко добрые друзья и соседи, съедутся или в публичных ассамблеях» [57, с. 89].

Общественное ранжирование можно наблюдать в обращениях к членам императорской семьи. Согласно специальному законоположению, императорская фамилия: император, императрица (жена), императрица (мать), члены императорской фамилии и все великие князья (включая наследника) с их жёнами обладали исключительным правом официально именоваться частным титулом со словом *«государь»* или *«государыня»* (например, *Государь император!*).

В длительной беседе к императору и императрице могло использоваться обращение *Государь! и Государыня!* Например: *«Иной боярин, наберясь смелости, затрясёт бородой и крикнет дрожащим голосом: – Казни, государь, за правду, стар я молчать, – стыдно глядеть, срамно, небывало...»* (А.Н. Толстой. Пётр Первый).

В функции обращения также употреблялся общий титул *Ваше Императорское Величество*, при обращении к наследнику и другим великим князьям – *Ваше Императорское Высочество* (слово «императорское» в обоих случаях при устном общении могло опускаться), к князьям императорской крови – *Ваше высочество*. Наследственные князья с конца XVIII века стали именоваться сиятельными с общим титулом *Ваше сиятельство*. Но князья могли царским указом повелевать титуловать «светлейшим» («пожаловать светлостью»), и тогда его именовали *Ваша светлость!* По закону этот титул присваивался младшим детям правнуков императора и их потомству в мужском поколении. Пожалование титулом *Светлейшего князя* наследственных князей стало практиковаться только во второй четверти XIX в. при императоре Николае I. Например: *«Я и так, ваше сиятельство, просрочил; причиною тому большие метели»* (Л.Н. Энгельгардт. Записки); *«Секунд-майор Гельвиц <...> сказал князю Репнину: “Ваше сиятельство, вы не отдали должной справедливости Киевскому полку ...”»* (Л.Н. Энгельгардт. Записки).

Нами рассмотрена система официально принятых обращений в русском обществе, выявлены основные характеристики лиц, к которым применялся тот или иной вид обращений.

Кроме охарактеризованных выше обращений, в русском обществе существовали обращения, не зафиксированные в законе. Это неофициальные обращения.

– *это обращения – родовые титулы.*

Только княжеский титул существовал в России до начала XVIII века, исключительно как наследственный, обозначающий принадлежность к роду, который в древности пользовался правом княжения (государственного управления) на определённой территории страны. С начала XVIII века этот титул стал также жаловаться царём высшим сановникам за особые заслуги. Чаще всего пожалование родовыми титулами производилось в порядке постепенности: сначала младшими, затем более высокими, которые заменяли прежние. В частности, княжеские титулы жаловались лицам, уже имевшим графский титул, а титулы светлейших князей – тем, кто имел княжеский. Высшей степенью княжеского титула был титул *великий князь*, который мог принадлежать лишь членам царской (императорской) фамилии, как было отмечено выше. Дворянин мог быть пожалован императором, в знак особого расположения или за большие заслуги, несколькими титулами одновременно.

При Петре I впервые российские подданные стали получать родовые титулы западных государств, главным образом Священной Римской империи. Это связано с тем, что в Россию приехали иностранцы, обладавшие такими титулами, а также – с тем, что в состав страны вошли территории, где некоторые из этих титулов были распространены. Пожалования производились по просьбам российских императоров (императриц) и за заслуги перед Россией. Баронский титул в древней Европе был самым важным и почётным. Это было общее обозначение как высших государственных чинов, так и феодальных владетелей. В древней Руси этот термин переводился с немецкого как «вольный господин». При Петре I титул барона использовался для высшего слоя дворянства, обычно прибалтийского, немецкого происхождения. В России он наименее ценился, гораздо больше уважали графский титул. Во многих случаях пожалование баронства означало вместе с тем и пожалование дворянства. Но титул барона давался и дворянам. Единственным отличием российских баронов от рядовых дворян была формула обращения: *Барон!, Баронесса!, Господин барон! и Госпожа баронесса!*. Например: «*Барон застал её в этом ожидании <...>. – Вам, милая Ольга Сергеевна, нужен воздух полей и деревня <...>. – В будущем месяце, барон? – живо спросила она. – Это верно?*» (И.А. Гончаров. Обломов).

При обращении же к дворянам частный титул не использовался. Общий титул у них был одинаковый [*Ваше благородие!*]. В частном разговоре, в быту, дворяне, имеющие титул, могли обращаться друг к другу или по имени-отчеству, или по титулу: «*Здравствуйте, барон*», «*Прошу Вас, графиня*». Титулы по происхождению заменяли для титулованных дворян все прочие формы обращения. Старшие именовали таких лиц *Князь!, Граф!, Барон!*. Дамы обращались к титулованным дворянам как старшие к младшим.

Например: «– Ах, деньги, **граф**, деньги, сколько от них гор на свете! – сказала графиня», (к равному), (Л.Н. Толстой. Война и мир); «Она [царевна Софья] ждала не того и содрогнулась, будто чувствуя беду – Рады видеть тебя, князь **Василий Васильевич**. Хотим знать про твоё здоровье...», (к низшему), (А.Н. Толстой. Петр Первый); «– Любо, любо слушать такие слова, – промолвил **Василий Васильевич**. – Ты, князь **Иван Андреевич**, расскажи царевне, что в полках творится...», (к равному), (А.Н. Толстой. Петр Первый); «**Курчавый**, сильно заросший русым волосом Языков «ближний боярин» румяно, сладко улыбнулся, глядя снизу вверх, – от жары запотел, пах розовым маслом: – И владыка и мы твоего слова ждём, **князюшка**...», (к равному, ласк.), (А.Н. Толстой. Петр Первый).

Военные в служебных, официальных ситуациях обращались друг к другу по чину – **Господин поручик!**, **Ваше превосходительство!** Но в бытовом, частном общении предпочитали также обращение по дворянскому титулу: «**Скажите, князь...**» – хотя князь был, например, капитаном. Второе, что необходимо отметить, – это употребление в речи обращений, отражающих деление людей на сословия. Для российского сословно организованного общества были характерны иерархия в правах и обязанностях, сословное неравенство и привилегии. В России XIX в. (согласно реформам Екатерины II) было установлено 4 сословия: дворяне, духовенство, городские обыватели, сельские обыватели (крестьяне). Городские обыватели образовывались из следующих сословных групп в среде городского населения:

- потомственные и личные дворяне, владеющие в столицах недвижимой собственностью;
- почётные граждане [лица, получившие в одном из русских университетов учёные степени доктора или магистра; артисты, художники, имеющие академические свидетельства];
- разночинцы [интеллигенты-выходцы из дворянских классов, из мелкого чиновничества];
- гильдейское купечество;
- мещане или посадские;
- ремесленники или цеховые;
- рабочие люди.

Таким образом, система рангов и соответствующих статусных обращений сложилась в российской действительности. Самое заметное, почетное, определяющее сословие Российской империи – дворянство. Оно было основой государства, главной опорой монарха, самым культурным, образованным слоем общества.

Т.В. Нестерова в исследовании «Прагматика обращений-антропонимов в семейной сфере» отмечает, что «социальная маркированность обращений-антропонимов может быть рассмотрена с позиции двух измерений: стратификационного и ситуационного, влияющих на социальную

вариативность обращений. Стратификационная вариативность обращений-антропонимов связана с социальной структурой общества и находит своё выражение в тех различиях, которые обнаруживаются между представителями различных сословий в XIX в. (и социальных групп – в XX в.). Ситуативная вариативность проявляется в преимущественном использовании тех или иных обращений-антропонимов в зависимости от ситуации, которая определяет ролевые отношения между участниками коммуникативного акта – носителями постоянных и переменных социальных признаков» [58, с. 21]. Обращения-антропонимы, в частности, в семейной сфере в XIX в., по мнению исследователей, отражали сословное устройство государства, что проявлялось как в наличии круга наиболее употребительных имён в том или ином сословии, так и в закреплённости за тем или иным сословием определённых систем именования [58, с. 22].

Кроме того, следует отметить сосуществование русской и французской (а также в семьях англоманов – английской) антропонимических систем в дворянском сословии. Т.В. Нестерова, исследовав обращения-антропонимы в семейной сфере, делает вывод, что среди женских имён в дворянском сословии отсутствуют русские варианты Дарья, Наталья, Елизавета (Лизавета), Екатерина (Катерина), им предпочитают французские варианты Долли, Натали, Мари (полные формы), либо гипокористики, например, Кити (английский вариант; в семьях англоманов) [58, с. 105]. Однако в патриархальных помещичьих семьях чаще отмечаются русские варианты имён (а также двуимённые формы именований вместо одноимённых) [59, с. 38-39]. В купеческом сословии в проанализированных Т.В. Нестеровой текстах отмечен только один пример употребления личного имени (молодые образованные коммуниканты) [58, с. 106].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В последнее десятилетие лингвистика исследует язык как инструмент социального взаимодействия людей. Социальный аспект изучения соотношения человека и его языка (социальная роль человека и его речь в этой роли, принадлежность к определённому этносу, социальному слою,

профессии, идеологическая зависимость речи и т.д.) дает возможность составить представление о языковой личности. Как показатель социального статуса говорящего, его языковой личности можно выделить такую лингвистическую единицу, как обращение людей друг к другу. Часто обращение свидетельствует о социальных признаках говорящего: может указывать на род его занятий, степень образованности, возраст, пол. Существенным компонентом социальной роли является ожидание: то, чего ожидают окружающие от поведения индивида в той или иной конкретной социальной ситуации, чего они вправе требовать от него; он же обязан в своем поведении соответствовать этим ожиданиям. Роли могут быть обусловлены как постоянными социальными характеристиками человека: его социальным положением, профессией, возрастом, положением в семье, полом, – так и переменными, которые определяются свойствами ситуации: таковы, например, роли пассажира, покупателя, пациента.

Одной из наиболее существенных характеристик языковой личности следует признать принадлежность человека к той или иной языковой (национальной) и речевой (внутринациональной) культуре. Внутри национальной речевой культуры в сфере действия литературного языка исследователи (В.Е.Гольдин, О.Б.Сиротинина) выделяют различные типы речевых культур. В заключение подчеркнем, что перевод исследования обращений из фокуса семантики в фокус лингвистической прагматики позволяет выявить важные стороны их функционирования в речи, которые до сих пор оставались незамеченными. Анализ прагматических аспектов употребления вокативных форм способствует также выяснению механизмов учета фактора адресата в процессе вербальной коммуникации в целом.

Обращение входит в разряд прагматических маркеров, реализующих речевые стратегии и тактические приемы воздействия на адресата. Оно принадлежит к основным языковым средствам, при помощи которых коммуниканты договариваются о распределении дискурсивных ролей и тех отношений, на которых строится диалоговое взаимодействие. А.В. Зеленин назвал обращение «зеркалом» отношений в обществе [60, с. 89]. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, анализируя идиомы речемыслительной деятельности, обнаруживают в них «приметы места: в разных странах и в разных языках (иногда и в одной стране, но на разных территориях) избираются различные тактики поведения в тождественных ситуациях» и «приметы времени»: «меняется время, меняется господствующая идеология – изменяются и тактики поведения и клишированные средства выражения» [61, с. 52]. В обращениях мы также обнаруживаем «приметы места» и «приметы времени».

Язык обладает принципиальной способностью выражать любые экстралингвистические реальности благодаря особому характеру заключенных в нем смыслов. Чем продолжительнее и богаче событиями социальная и культурная история народа, чем сильнее и ярче непрерывная литературная традиция, чем интенсивней и многообразней индивидуальная,

частная жизнь людей, тем совершеннее язык народа. Язык развивается в ответ на потребности общества. Его прогресс обусловлен поступательным движением общества, развитием материальной и духовной культуры. Под влиянием экстралингвистических факторов в разные периоды истории происходит активизация тех или иных языковых единиц в речи. Большая роль социальных факторов в развитии и функционировании лексики не означает игнорирования значения внутриязыковых законов развития. Так в статье «О некоторых вопросах русской исторической лексикологии» В.В. Виноградов пишет: «Словарный состав языка, непосредственно отражающий в своих новообразованиях изменение социального строя, развитие производства и развитие культуры, техники, науки и т.п., находится в состоянии почти непрерывного развития, но эти изменения не ломают лексическую систему языка, не уничтожают его основного словарного фонда, его структурной основы: они отражают внутренние законы развития языка» [62, с. 72]. В одних слоях лексики решающую роль в образовании постепенных изменений играют внутривидовые законы, а в других – социальные факторы. К последней группе принадлежат и слова, функционирующие в функции статусных обращений. Они быстро и ярко отражают изменения во всех областях общественной жизни.

В периоды кардинальных перемен в обществе (таких, как война, революция, национально-освободительное движение и т.п.) связь изменений в словарном составе языка с преобразованиями в социальной действительности прослеживается наиболее наглядно. Во времена резких идеологических сдвигов, например, сознательный разрыв с определённой традицией «требовал» хотя бы частичного отказа от соответствующего языка. В этом причина массовых лексических замен. В данном исследовании мы попытались проследить динамику статусных обращений в различных лингвокультурах. Такой анализ обращений позволил рассмотреть развитие системы статусных обращений, провести сравнительно-сопоставительный анализ, указать прямую зависимость изменений в данной системе от общественно-политических преобразований.

Проведённый анализ обращений в русском и английском языках доказывает выдвинутую нами гипотезу о том, что система статусных обращений находится в прямой зависимости от внешних факторов. Особенности общественного развития России в XVIII – начале XX веков предопределили появление и функционирование системы официальных обращений, регламентированной законом – «Табель о рангах», и неофициальных, также отражающих структуру общества. Первая – включала в себя обращения – общие титулы (*Ваше Высочайшее Превосходительство!*, *Ваше Превосходительство!*, *Ваше Высочайшее!*, *Ваше Высочайшее!*, *Ваше Высочайшее!*) и обращения, указывающие на частные титулы (например, *Господин генерал!*). Неофициальные обращения – это, во-первых, обращения-родовые титулы, которые для титулованных дворян заменяли все прочие формы обращения (старшие именовали таких

лиц *Князь, Граф, Барон*, а младшие – *Ваша светлость!*, *Ваше сиятельство!*), во-вторых, обращения, отражающие деление людей на сословия.

В связи с коренными общественно-политическими изменениями в России после революции 1917 года все существовавшие ранее статусные обращения перестали употребляться в нейтральном общении. Сохраняется только формулы титулований и обращений *Ваше Величество!* и *Ваше Превосходительство!* в официальном общении к главам других государств. Как социальные знаки в этот период появляются обращения *Товарищ!* и *Господин!*, которые в свою очередь так активно не используются в перестроечное и постперестроечное время.

Последнее также связано с процессами, происходящими в политической и общественной жизни общества. Масштабность и значение последних определялись, в первую очередь, тем, что они затронули основу государства – экономический базис. В этот период совершился переход от социалистического планового хозяйства к рыночной экономике и свободному предпринимательству, от господствовавшей в обществе государственной собственности к различным её формам, возрождению частной собственности. Не менее существенные сдвиги произошли в сфере общественного сознания. Единая государственная идеология сменилась плюрализмом мнений, уменьшилось цензурное давление на средства массовой информации, и самое главное, осуществлялась широкая демократизация всей общественной жизни, ориентированная на гуманистические идеалы и интересы личности.

Кроме этого, в современном русском языке продолжают употребляться формулы титулований и официально-почтительных обращений XVIII- начала XX вв.

Во-первых, это обращения (*Ваше*) *Превосходительство!* и (*Ваше*) *высокопревосходительство!*, которые используются в прямом значении в функции называния в дипломатической среде, сфере власти, официальной, служебной деятельности.

Во-вторых, активно употребляются в языке настоящего времени и другие общие титулы и официально-почтительные статусные обращения указанного периода, не использующиеся в обыденном общении. Они могут быть вторичными наименованиями, образованными с помощью метафоры.

Проведённое исследование показало, что наиболее продуктивны номинации, в состав которых входят слова «*превосходительство*» и «*благородие*». Слово «*превосходительство*» может, во-первых, иметь значение «отличный, очень хороший, самый лучший». В этом случае говорящими оно связывается со словом «превосходный». Особенно широко представлено слово «*превосходительство*» в указанном значении в составе названий приборов электро-вычислительной техники (телефонов, видеокамер и др.) и – наименований престижных марок машин.

Во-вторых, анализируемое слово также употребляется в значении «занимающий высокое положение», «самый главный». С точки зрения

структуры, в языке настоящего времени очень широко представлена группа наименований, образованных по аналогии с названием популярных книги и фильма «Адьютант его превосходительства».

Рассмотрение изменений социальных условий, влияющих на выбор форм обращения также важно для теории социолингвистики. Результаты данной работы можно использовать и в теории речевого этикета, культуры речи, риторики; в лингвистическом анализе художественного текста. Анализ обращений способствует выявлению не только лингвистической специфики национального языка, но и национального видения окружающего, воззрения и представления того или иного народа, то есть национально-культурный фон. Для адекватного восприятия представителями другого языка некоторых языковых единиц необходимо обращение к фоновым знаниям, то есть национально-культурным и социально-политическим и другим особенностям жизни носителей данного языка. Даже владея одним и тем же языком, люди не всегда могут правильно понять друг друга, и причиной часто является именно расхождение культур. Современная лингвистика не может не включать в свой объект фоновые знания, которые определяют как «обоюдное знание реалий говорящим и слушающим, являющееся основой языкового общения» [63, с. 498], «как потенциально присутствующие в языковом сознании членов лингвокультурной общности» [64, с. 27].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Сепир Э. Язык, раса и культура // Избр. тр. по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс Универс, 1993. – С. 185-195.
- 2 Брайт У. Введение: параметры социолингвистики // Зарубежная лингвистика. I: Пер. с англ. / Общ. ред. В.А. Звегинцева и Н.С. Чемоданова. – М.: Прогресс, 1999. – С. 105-125.
- 3 Карасик В.И. Язык социального статуса. – М., 1992. – 385 с.

- 4 Жирмунский В.М. Проблема социальной дифференциации языков // Язык и общество: Сб. – М.: Наука, 1968. – С. 9-39.
- 5 Соссюр Ф. Курс общей лингвистики // Тр. по общему языкознанию. Перевод с фр. – М.: Прогресс, 1977. – С. 37-60.
- 6 Будагов Р.А. Язык, история и современность. – М.: Издательство Московского университета, 1971. – 299 с.
- 7 Балли Шарль. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Издательство иностранной литературы, 1955. – 416 с.
- 8 Гумбольдт В.О. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода. – М.: Просвещение, 1964.
- 9 Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Наука, 1958. – С. 404-408.
- 10 Сусов И.П. Личность как субъект языкового общения. // Личностные аспекты языкового общения: Сб. науч. тр. – Калинин, 1989.
- 11 Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.
- 12 Сухих С.А. Языковая личность в диалоге // Личностные аспекты языкового общения: Сб. науч. тр. – Калинин, 1989.
- 13 Herrmann Th. Allgemeine Sprachpsychologie: Grundlagen und Probleme. – Mtinchen, 1985.
- 14 Серль Док. Природа интенциональных состояний // Философия. Логика. Язык. – М., 1987.
- 15 Пушкин А. А. Прагмалингвистические характеристики дискурса личности // Личностные аспекты языкового общения: Сб. науч. тр. – Калинин, 1989.
- 16 Кон И. С. Личность // БЭС. 3-е изд. – Т. 14. – М., 1973.
- 17 Тарасов Е.Ф. Речевое воздействие как проблема речевого общения // Речевое воздействие в сфере массовой информации. / Отв. ред. Ф.М. Березин, Е.Ф. Тарасов. – М., 1990.
- 18 Чхетиани Т. Д. Лингвистические аспекты фатической метакоммуникации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1987.
- 19 Формановская Н.И. Культура общения и речевой этикет. – М.: Издательство ИКАР, 2002. – 236 с.
- 20 Култыгин В.П. Исследования социальной структуры в переходных обществах [историко-методологический обзор] // Социологические исследования. – № 4. – 2002. –С.123-127.
- 21 Прохоров Ю.Е. Социальный статус как прагмалингвистическая основа речевого общения и его роль в межкультурной коммуникации // Русский язык как иностранный. Лингвистические проблемы. – М., 1997. – С. 13-24.
- 22 Бок Ф.К. Структура общества и структура языка // Зарубежная лингвистика. I: Пер. с англ. / Общ. ред. В.А. Звегинцева и Н. С. Чемоданова. – М.: Прогресс, 1999. – С. 105-132.
- 23 Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – Л.: Учпедгиз, 1941. – 620 с.

- 24 Попов А.С. Обращения-предложения в современном русском языке // Русский язык в школе. – №5. – 1958. – С. 25-63.
- 25 Кулагин А.Ф. Вокативные предложения в современном русском языке // Вопросы синтаксиса и стилистики русского литературного языка: Тр. III–IV конф. кафедр русского языка педагогических институтов Поволжья. – Куйбышев, 1963. – С. 46-65.
- 26 Савельева Е.П. Номинации речевых интенций в русском языке и их семантико-прагматическое истолкование. Автореф. дис....канд. филол. наук.: – ИРЯ им. А.С. Пушкина, 1991. – 21 с.
- 27 Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. – М.: Институт русского языка имени А.С. Пушкина, 1998. – 290 с.
- 28 Гольдин В.Е. К проблеме обращения как лексической категории // Язык и общество: Межвуз. науч. сб. Вып. 4. – Саратов, 1977. – С. 18-31.
- 29 Кравченко А. И. Культурология: Учеб. пос. для вузов. 2-е изд. – М.: Академический Проект, 2001. – 384 с.
- 30 Карасик В.И. Язык социального статуса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 33 с.
- 31 Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка / Под ред. Т. В. Булыгиной. 2-е изд., стереотип. – М.: УРСС Эдиториал, 2007. – 176 с.
- 32 Николаева Т.М. Речевые, коммуникативные и ментальные стереотипы: социолингвистическая дистрибуция // Язык как средство трансляции культуры. / Ред. М.Б. Ешич. – М., 2000.
- 33 Фрэзер, Дж. Золотая ветвь: исслед. магии и религии [Текст] : пер. с англ. / Дж. Фрэзер. - Москва: Политиздат, 1980. – 831 с
- 34 Нурсултан кызы Ж.О. Бокеевдин чыгармаларындагы казак калкында тыюу иретинде кездешкен кинесикалык кыймылдардын колдонулушу // А. Байтурсунуулы атыдангы Тил билими институтунун «Тилтааным» журналы – № 2 – 2002.
- 35 Сыдыкбекова Д. Особенности коммуникативного поведения кыргызов // Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. – М., 1982.
- 36 Русский язык на современном этапе его развития: несколько оценочных суждений // Вестник Московского университета. Серия 9 Филология. – № 2. – Изд-во Московского университета, 2002.– С. 82-92.
- 37 Алтынсарин И. Орынбор ведомствосы қазақтарының өлген адамды жерлеу және оған ас беру дәстүрінің очерктері
- 38 Русский язык конца XX столетия [1985–1995] / Ред. Е.А. Земская. – М., 2000. – 480 с.
- 39 Кобланова А. Тыйым сөздердің тағылымдық мәні
- 40 Аверинцев, С.С. Новый Завет [Текст] / С.С. Аверинцев // Философская энциклопедия : в 5 т. / науч. совет изд-ва «Сов. энцикл.», Ин-т философии

- АН СССР ; гл. ред. Ф. В. Константинов. – Москва: Сов. энцикл., 1960-1970. – Т. 4 : «Наука логики» – Сигети. – Москва, 1967. – С. 88-89.
- 41 Гудков Д.Б. Межкультурная коммуникация. Лекционный курс для студентов РКИ. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 120 с.
- 42 Валимова Г.В. Функциональные типы предложений в современном русском языке. – Ростов/наД.: Изд-во Ростовского ун-та, 1996. – С.35-36
- 43 Руднев А.Г. Синтаксис сложного предложения. – М., 1959. – 198 с.
- 44 Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык /Под ред. Н.С. Валгиной. – М.: Логос, 2003. – 527 с.
- 45 Торсуев Г.П. Фонетика английского языка. – М.: Изд-во литературы на иностранном языке, 1950. – 332 с.
- 46 Кручинина Ч.Н. Обращение // Лингвистический энциклопедический словарь. / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Совет. Энциклопедия, 1990. – С. 340-341.
- 47 Чумак Л.Н. Синтаксис русского и белорусского языков в аспекте культурологии. – Минск: Белгосуниверситет, 1997. – 284 с.
- 48 Проничев В.П. Синтаксис обращения [на материале русского и сербохорватского языков]. – Л., 1971. – 88 с.
- 49 Арутюнова Н.Д. а. Номинация и текст // Языковая номинация [виды наименований]. – М.: Наука, 1977. – С. 304-357.
- 50 Гольдин В.Е. Обращение: теоретические проблемы. Саратов, 1987. 129 с.
- 51 Формановская Н.И. Имя человека в аспекте «языка и культуры» // Слово и текст в диалоге культур: Сб. – М., 2000. – С. 279-292.
- 52 Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Пособие для учителей. Изд. 2-е, испр. и доп. – М., 1976. – 543 с.
- 53 Мигирова Н. И. Типы номинаций для обозначения статусов лица в современном русском языке. – Кишинев.: Штиинца, 1980. – 91 с.
- 54 Рыжова Л.П. Обращение как компонент коммуникативного акта. Автореф. дис... канд. филолог. наук. – М.: ИРЯ им. А.С. Пушкина, 1982. – 24 с.
- 55 Шведова Н.Ю. Распространение предложений включением обращения // Русская грамматика. – М.: Наука, 1980. – Т. II. Синтаксис. – С. 161–164.
- 56 Шепелёв Л.Е. Чиновный мир России: 18– н. 20 в. Санкт-Петербург: Искусство – СПб, 1999. – 477 с.
- 57 Табель о рангах // Хрестоматия по истории СССР. XVIII век / Под редакцией Л.Г. Бескровного и Б.Б. Кафенгауза. – М., 1963. – С. 85–92.
- 58 Нестерова Т.В. Прагматика обращений-антропонимов в семейной сфере. Дисс. ...канд. филолог. наук. – М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 1999. – 395 с.
- 59 Никонов В.А. Имя и общество. – М.: Наука, 1974. – 278 с.
- 60 Зеленин А.В., Вирва Ряйсянен. Как живёте, господа-товарищи? // Русский язык в школе. – № 6. – 2002. –С. 80-89.

- 61 Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Приметы времени и места в идиоматике речемыслительной деятельности // Язык: система и функционирование. – М., 1988. – С. 52-61.
- 62 Виноградов В.В. О некоторых вопросах русской исторической лексикологии // Избр. тр.: Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – С. 69-94.
- 63 Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Совет. Энциклопедия, 1966. – 800 с.
- 64 Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Изд. 4-е, перераб. И доп. – М.: Русский язык, 1990. – 246 с.